

Илья Бояшов

Бансу

Быль

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

*Шекспир. «Гамлет»
(перевод М.П.Вронченко)*

I

Жили-были в годы войны два летчика — штурман Алёшка Демьянов и пилот Вася Чиваркин. И служили парни не где-нибудь, а в 1-й перегоночной авиадивизии: оба в составе одного экипажа доставляли из Америки в СССР добротные американские «бостоны». Двадцативосьмилетний Чиваркин имел за спиной службу на Крайнем Севере. Демьянов, будучи на три года помладше пилота, считался способным штурманом и успел повоевать на «белофинской». Понятное дело, летуны рвались на фронт, но каждому неоднократно отказывали: для перемещения драгоценной техники требовались спецы, а с опытом и у того, и у другого все оказалось в порядке.

Небо в 43-м году над Юконом постоянно жужжало: трасса Алсиба была весьма оживленной, и перевозили по этой воздушной трассе в Якутск (и далее) оборудование для радиостанций, медицинские инструменты для госпиталей, лекарства, оружие, сало, тушенку, яйца, иголки, бумагу, слюду, резину — короче, все, чем тогда делилась с затянувшей ремень на последнюю дырочку Россией богатая и вальжная Америка. И делилась, надо заметить, не просто так, а за щедрое русское золото, которое отправлялось в страну демократии обратными рейсами. В СССР ценили и швейные машинки фирмы «Зингер», и шоколад, и обыкновенные гвозди, но ленд-лизские самолеты все-таки стояли в особом ряду. Принимали их отечественные летчики, в том числе Демьянов с Чиваркиным, «из американских рук» в Фэрбанксе, городе в самом центре суровой Аляски, где, как и в Сибири, не очень-то забалуешь. Этот Богом забытый городок был избран для подобных операций из-за своей удаленности от побережья. Делать «местом передачи» не менее захолустный, расположившийся возле океана Ном союзники не решились, так как к местным берегам подбирались ловкие и наглые самураи (часть Аляски японцы тогда уже оккупировали).

Двухмоторный «Бостон А-20» — птичка послушная, проблем с ним особых не возникало. В управлении бомбардировщик по простоте мог дать фору более сложным отечественным «пешкам»; легко взлетал и легко садился; в случае чего спокойно шел на одном двигателе, виражи закладывал непринужденно, да такие, что закачаешься;

Илья Бояшов родился в 1961 году в Ленинграде. Окончил исторический факультет педагогического института им. Герцена. Автор десяти книг. Печатался в журналах «Октябрь», «Знамя». Живет в Санкт-Петербурге. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

моторы работали надежно, запускались с пол-оборота, ресурс «райтов» превышал ресурс отечественных двигателей вдвое, а то и втрое. Подобному качеству советские летчики радовались, но, с другой стороны, конечно же, за собственную промышленность огорчались и, сравнивая с американской, частенько ее поругивали. Сидеть в кабинах «А-20 G» (прозвище самолета «Жучок») — одно удовольствие: обзор отличный, кресла мягкие, спать в таких, а не летать, да еще и с бронезащитой. А чего стоила система кабинного отопления! Конечно, были и недостатки, но касались они в основном использования «бостона» в бою, и для мирных перегонов значения не имели.

Так дело и шло: прилетали Демьянов с Чиваркиным за очередным «жучком» на американский аэродром; останавливались в местной казарме, где выделено было русским пилотам несколько двухкочных комнат; питались «от пуза» в летной столовой; лопали качественный шоколад, курили «кэмел» и ждали, когда дотошные отечественные инженеры облазят, осмотрят и обнюхают очередной доставляемый к далекому фронту самолет. А затем надевали парашютные сумки, забирались в новенький «бостон» — и, как говорят американцы, «гуд лак, Раша»!

Времени у них для отдыха в этом самом заграничном Фэрнбаксе в случае плохой погоды или задержки с приемкой было предостаточно; матрасы в казарме упругие, без «пролежней», наволочки всегда свежие, душ есть, на столе обязательно графин с водой, на окнах противомоскитные сетки. Спалось здесь каждому хорошо, елось за двоих. Однако, несмотря на слаженность их как профессионалов, не все между пилотом и штурманом было гладко: сказывались и усталость от напряженной работы, и разница характеров. Чиваркин — природный молчун, его за глаза даже прозвали «Вася-могила». Демьянов — любитель не только поговорить, но, что опаснее, и пофилософствовать, причем философствования его были далеко не безобидны.

Когда появился он в Фэрнбаксе в первый раз, то помня наставления людей из соответствующих органов, еще озирался и помалкивал, тем более, чутких ушей оказалось и здесь немало: трудилась на аэродроме целая советская колония из военспецов-приемщиков и товарищей, которые особо себя не афишировали, но цепко держали аэродром и окрестности в поле зрения. Однако за первым последовал еще один перелет, и еще, а когда счет пошел на двадцатый вояж и сотрудницы столовой — две маленькие коренастые эскимоски, похожие друг на друга иссиня-черными волосами и северной раскосостью глаз, и негритянка с грудями-дынями и с русским именем Нина — стали приветствовать его как своего, Демьянов осмелел и даже стал подмигивать кое-кому из попадающего по дороге персонала, а вскоре и вовсе активно заговорил «на пальцах» с американскими техниками. Короче — жизнь демократической Америки ему откровенно нравилась. Как правило, на все попытки штурмана завести разговор о политике Чиваркин отмалчивался; если отвечал, то односложно, взвешивая каждое свое слово, подобно увесистому камню, а Демьянова словно нарочно, как только оказывались они в американской казарме, кто-то за язык принимался дергать: с каждым разом речи его становились все развязнее. Дошло до того, что Чиваркин однажды буркнул:

— Ты, трепло, случайно не из буржуев сам будешь?

Демьянов сразу покраснел и стал клясться, что он происхождением из самой что ни на есть псковской рабоче-крестьянской семьи, пострадавшей от кулаков-мироедов, и по этой причине был принят в местный аэроклуб в возрасте еще четырнадцати лет.

На какое-то время словоохотливый Алёшка сдулся. А потом опять осмелел.

Выйдет, бывало, на аэродромную полосу, вдохнет полной грудью да и скажет (если, конечно, поблизости своих нет и рядом только один Вася):

— Хорош здесь воздух! Пьешь как воду...

Чиваркин спрашивает:

— Чем тебе, Лёшка, в России воздух хуже?

А тот отвечает с обезоруживающей откровенностью:

— Не такой он, Вася! Ей-ей, не такой...

Чиваркин пробурчит про себя «ну-ну» и дальше молчит.

Правда, однажды товарища предупредил:

— Попадешься ты со своим языком... Я — одно дело. В случае чего я тебя не слышал и глупости твоей не понял. А ляпнешь что-нибудь у нас: прощай карьера советского штурмана.

А с того как с гуся вода.

Эти Алёшкины выходы не только воздуха касались. Достанет сигаретную пачку, распакует, воткнет сигарету в уголок рта, чиркнет зажигалкой, на которой с одной стороны изображен белый орлан, а с другой — полуголая девица, и как нарочно:

— Хорошие у американцев сигареты. Я после них наш табак курить не могу — дерет горло, как наждаком.

Здесь Чиваркину крыть нечем. Действительно, у американцев сигареты хорошие. А Демьянов как ни в чем ни бывало затягивается с наслаждением и продолжает:

— Что буду делать без них — ума не приложу.

Вася скажет:

— Заткни свой рот. Тебе и прилагать нечего за неимением этого самого ума.

А Демьянов необидчивый:

— Брось ты дуться. Я же правду говорю. У нас коммунистическая партия требует говорить правду? Требует! Требует быть искренним? Требует... Вот я, к примеру, как комсомолец, и ты, к примеру, как коммунист...

Разговоры о принадлежности к партии Васю всегда выводили из себя — дело это казалось ему интимным и касалось только его самого — поэтому, стоило только болтуну-штурману коснуться партийного вопроса, он разговор обрывал.

Что же касается штурмана — не было в словах Демьянова никакой издевки над товарищем. Совершенно не хотел он его провоцировать и подначивать — получалось все у Алёшки искренне — и восхищение «кэмелом» и безопасными бритвами «Magazine Repeating Razor», и досада на кондовые отечественные папиросы: вот за такую-то простодушную откровенность Вася на него больше всего и злился.

Демьянов даже толстую негритянку хвалил. Их казарма и барак обслуживающего персонала столовой находились напротив друг друга. Однажды, когда из-за дождя летчики застряли в Фэрбанксе на целые сутки, вышедший ненадолго в душ Чиваркин, вернувшись, застал своего товарища за постыдным занятием. Прильнув к подоконнику, Лёшка жадно смотрел на соседние окна — а в одном из них, освещенная лампой, красовалась Нина: видимо, только сменилась с дежурства. Раздевалась она медленно. Алёшка глаз от нее не мог отвести, да и Чиваркин застыл, словно вор, застигнутый на месте преступления. Но самое ужасное оказалось в том, что Нина знала — за ней наблюдают. В конце импровизированного стриптиза, перед тем как выключить свет, повернулась к двум ошарашенным летунам теперь уже во всей нагой красе, распахнула в улыбке белозубую пасть — дескать, вижу, как вы мною любуетесь, — и мило им помахала. От позора Чиваркин не знал, куда и деваться. Алёшка же, лежа на койке с сцепленными за головой руками, глядя в потолок, в восхищении приговаривал:

— Смотри, какая красавица. Уж я эту молодку не упустил бы. Такая шоколадка!.. Эх, жить бы мне в Америке! Женился бы. Точно женился. Хорошая здесь жизнь — машины, домики. А главное — тихо. И воздух! Что ты скажешь на это, Вася?

А Васе и говорить нечего — зубами скрипит.

Так они и существовали рядом друг с другом, ругались, но не сильно, пока в очередной их прилет какому-то местному механику, которому при довольно частых встречах Алёшка всегда улыбался и кричал «хау ду ю ду», не взбрело в голову по доброте душевной подарить Демьянову новенькие, только что вышедшие с завода кожаные ботинки «Service Shoes Reverse Upper» из легкой выворотной кожи, хорошо гнущейся и быстро сохнущей при намокании — писк армейской моды. Судя по всему, умыкнутые со складов ботинки (а всяких складов в округе было бесчисленное множество) не подошли похитителю; вот почему он и сделал русскому широкий жест. Оказавшись в казарменной комнате, Демьянов даже взвыл от радости, когда взялся их ощупывать да рассматривать.

— Чего радуешься, дурень! — сказал тогда Чиваркин. — Они же тебе велики.

— Ничего, зашнурую — будут как влитые. Я, Вася, давно мечтал о таких ботинках. Мне, Вася, наша неудобная обувь до чертиков надоела: тяжелая, зараза, как боты у водолаза. Я теперь в таких ботинках король: да они тыщу лет протянут — ясно, что фирма; качество... посмотри только, какое качество... А шнуровка! Шнуровка!

И взялся Демьянов этими ботинками тыкать Васе под нос, да их нахваливать, а заодно — ну, куда же без этого! — и американскую обувную промышленность, которая снабжает штатовские армию и воздушный флот таким вот желтым кожаным чудом. Радовался он при этом как ребенок, даже постоянно обновку нюхал — то левый поднесет, понюхает, то правый. Вася, понятное дело, ему ответил:

— Наши не хуже делают!

— Да, ну?! — удивился Алёшка. И ведь искренне так, подлец, удивился. — Кирзачи да башмаки, которые разваливаются при первой же слякоти? А обмотки! Пока обматываешь ноги — страдаешься. Не случайно — «страдания». Вот выдал мне тогда Степаныч со склада новенькие хромовые сапоги. И где они? Полгода ведь не прошло. А ведь клялся — лучшее, что есть. Я Степанычу верю. Он всегда самое хорошее достает. И сейчас хожу вот в этом дерьме, — показал на брошенные в угол свои весьма скромного вида отечественные полуботинки.

Не такое уж это было дерьмо, и Вася завелся:

— Америка твоя живет как у Христа за пазухой. Жрет, пьет да богатеет. А нам все из огня да в полымя. Империалистическая, гражданская... теперь вот эта. Ничего, война кончится, дойдет дело и до ботинок.

— А дойдет ли?

— Ты к чему? — насторожился Чиваркин. И даже прислушался — не стоит ли кто за дверью.

— Я, Вася, ко всему здесь давно присматриваюсь — к тому, как они самолеты делают и нам поставляют чуть ли не в упаковке; к их столовым, к холодильникам. Продовольствие только чего стоит! Консервированные бобы, тушенка. Все с толком. Они же в банках каждый кусочек сала проложат особой бумагой. Организация, Вася! А за такой вот организацией следует жизнь: с размахом, где все для человеческого удобства — кондиционеры, сетки. Хочешь разницу? Перелети пролив. Вот у нас строят такие бараки, теплые, удобные, чтобы отсеки на двух, чтобы тебе душ, вот так, в двух метрах, встань только и кран поверни? У нас в баню надо чуть ли не строем бегать за полкилометра. И сеток нет от гнуса. Мелочи, Вася? Нет, Вася, не мелочи... Забыл, как в Уэлькале мы с тобой загибались от холода? На стены ведь лезли! Землянка, печка на полу, а пол земляной — в сорок-то градусов морозца, а?! Поэтому, вряд ли у нас такое получится...

— И в чем же, Алёшка, дело? — спросил, поднимаясь с койки, Чиваркин.

— А во власти дело, Вася, — нагло ответил коммунисту Чиваркину двадцатипятилетний комсомолец Демьянов, — в ней-то все и дело.

За дверью точно никто не стоял. Ветерок поддевал занавески. Заставив позвенеть оконное стекло, пронеслись над баракком два «бостона», курсом на Ном, а оттуда — за Берингов пролив, к унылой тундре, к сибирским перегонам, к далекому фронту, на котором жить этим «птицам» всего ничего — месяца два-три, и хорошо еще, если дотянут они после очередного вылета, пробитые, израненные, до полевых аэродромов, где их и разберут на запчасти.

— Значит, Сталин виноват? — прямо и тяжело спросил Чиваркин.

— Значит, Сталин, — откликнулся совершенно обнаглевший гад.

Чиваркин даже не испугался. Злость — вот что все перевесило. Никогда он еще так не злился на своего напарника. И ответил сокровенное: сказал о том, о чем сам неоднократно задумывался, все так же взвешивая каждое свое слово:

— Дурак ты. Дело не в Сталине, а в таких, как ты. С таким народом, как наш, кого ни поставь, все одно выйдет...

Однако Демьянов упрямо дудит в одну и ту же дудочку:

— Нет, Вася, не в народе дело. В Сталине. В нем, родимом...

Впервые со дня своего знакомства со штурманом Чиваркин забыл себя от ярости: сграбастал Демьянова за грудки. Однако штурман тоже был не лыком шит — привык к дракам. Скатились противники с демьяновской койки на пол и давай друг друга волтузить. Возились до тех пор, пока не раздались в самом конце длиннющего казарменного коридора шага: один из приемщиков уже торопился за ними. Пилот и штурман очнулись, вскочили и схватились приводить себя в порядок. На настойчивый стук в дверь Чиваркин, едва переведя дыхание, прохрипел:

— Подождите. Сейчас одеваемся.

О ссадине под левым глазом он знать не знал — не догадался поглядеть на себя в зеркало. Алёшка, мерзавец, понятное дело, ничего ему об этом не сказал. И ведь, сволочь, натянул американские ботинки, а отечественные в угол задвинул...

Спецы, которые встречали их на полосе, весьма заинтересованно на обоих поглядывали. А процедура передачи шла своим ходом: новорожденный «жучок» сверкал на солнце — настоящий красавец! Планшеты, парашютные сумки — все было готово; маршрут знаком; небо безоблачно; вот только настроение у обоих хуже некуда, да и видок — будьте любезны. Главный из приемки, озабоченный прежде всего состоянием техники и подписаниями актов, интеллигентно, под предлогом отозвал взьерошенного Чиваркина в сторону и шепотом сделал ему втык:

— Что это с вами, товарищ капитан? Вы откуда вылезли на свет Божий? И штурману своему укажите на безобразии. Стыдно перед союзниками.

А что Васе отвечать? Только одно:

— Виноват, исправлюсь!

Все еще сопя и стараясь не глядеть друг на друга, оказались они под самолетом. Осмотрели «брюхо». Обошли «бостон» вместе с нашими и американскими техниками — Чиваркин с одной стороны, Демьянов с другой. Потрогали крылья и хвост. А что дальше? А дальше вот что: бомбардировщик сдан, бомбардировщик принят, бумаги в порядке, инструктаж выслушан, замечания приняты — пора в путь-дорогу. Предупредили их, что надвигается грозовой фронт, только Чиваркин с Демьяновым были так расстроены, что предупреждение пропустили мимо ушей. И полезли: пилот в кабину, штурман — в турель на место стрелка. Перед тем, как Чиваркин запустил моторы, посидели немного молча.

Алёшка одно спросил:

— Ну, что, сдашь меня, Вася?

— Пошел ты, — ответил Чиваркин.

Больше они не разговаривали.

Зарычали моторы, покатился «бостон» по взлетной полосе, поднялся и полетел на восток. Замелькали внизу бесчисленные коробки фэрнбакских складов, дома, вышки, узкая полоса дороги, а затем потянулись под крыльями пространства Аляски: бесчисленные горы и распадки, в которых хозяевами себя чувствуют только волки с медведями, да озера с реками — убежища хищной форели.

Прошел час полета: внизу все одно и то же; Чиваркин молчит; штурман молчит — а впереди появилась едва заметная облачная полоса — и принялась расти навстречу, обхватывая собой горизонт. В течение минут пятнадцати так все вокруг захватило, что «жук» поплыл уже в плотном окружении дымки.

Волноваться по большому счету было нечего, несмотря на усиливающуюся непогоду: моторы гудят, кресла удобны, штурвал послушен — в таких условиях прежде они и кофейку могли хлебнуть, который в термосах традиционно сунули каждому с собой предусмотрительные приемщики, но на этот раз было обоим не до американского кофе.

Когда показалась совсем уж мрачная туча, Чиваркин заложил крутой вираж, чтобы ее обойти.

Вот, пожалуй, и все.

Вскоре вновь распогодилось; стали видны внизу распадки и горы, четкие,

как на самых качественных фотоснимках. Чиваркин, обнаружив ссадину под глазом и до нее иногда дотрагиваясь, все это время раздумывал — заговорить или не заговорить со своим непутевым штурманом. Конечно, долго злиться на этого осла Вася не мог, несмотря на свою коммунистическую закваску; сдавать его он тем более не собирался. Поразмышлял поначалу сгоряча Чиваркин, не подать ли ему рапорт начальству «о несовместимости характеров», но потом, как всякий русский человек, поерзал, повздыхал, размягчился и начал уже думать над тем, как наладить отношения. Правда, несколько обижало его то обстоятельство, что Демьянов навстречу ему вроде как бы и не собирается идти: забился в кабину стрелка, словно сурок в нору, молчит себе и молчит уже второй час.

Чиваркин решил начать первым. Позвал по переговорному:

— Лёшка! Слышь меня?

Молчание.

— Ладно, кто старое помянет...

Молчание.

Чиваркин тогда про себя чертыхнулся и, занятый штурвалом, сказал:

— Молчишь? Ну, молчи, молчи...

И после благополучного перелета сел в Номе — городишке золотоискателей, советских и американских авиаспецов и временном приюте таких, как и он, воздушных перегонщиков.

II

Дальше все для него завертелось, словно в самом чудовищном сне. Уже через пятнадцать минут после того, как «бостон» коснулся своими шасси бетона, застыл потрясенный пилот в помещении здешнего штаба перед командиром полка подполковником Мишиным и особистом майором Крушицким. И был Вася белым, как сама смерть.

Особист появился в Номе совсем недавно: странная птица, для чего сюда залетела, никто не знал. Держался Крушицкий чуть ли не на равных не только с комполка, но и самим командиром 1-й перегоночной дивизии. Вид майор имел болезненный: худой, губы тонкие, глаза лихорадочные, скулы так обтянуты кожей, что кажется, она вот-вот на них и порвется. Кроме того, он часто кашлял. В полку пришли к выводу, что приписан Крушицкий к 1-й авиаперегоночной ввиду своей полной непригодности к фронту. Судя по всему, никакого отношения к авиации он прежде не имел, интересовался чисто земными вещами — летным бытом и экипировкой. Особо почему-то привлекали майора парашюты — несколько раз наблюдал он за тем, как «укладываются» парашютные сумки, задавая по ходу дела вопросы. Вел себя до поры до времени корректно, не выпячивался, обращался к личному составу вежливо и по уставу. То, что особист после известия об исчезновении штурмана совершенно «потерял лицо» (у майора задрожали пальцы, кроме того, он то и дело расстегивал и застегивал верхнюю пуговицу гимнастерки), не ускользнуло от внимания хранившего внешнее спокойствие фронтовика Мишина: правда, комполка отнес этот явный психоз на счет опасения майора за возможный крах своей карьеры. Но все равно, подполковнику, несмотря на весь трагизм ситуации, показалось: особист что-то уж чересчур о пропавшем волнуется — несвойственное поведение для прежде достаточно сдержанного пришельца...

Вася столкнулся с гневом Крушицкого гораздо раньше. Хлипкий варяг околочивался на полосе во время посадки «бостона» — словно ожидал прибытия. Когда выяснилось, что пропал штурман, Чиваркин там же, на полосе, едва не был особистом застрелен.

Майор и в кабинете подполковника не успокаивался:

— Сбежал?

Летчик как воды в рот набрал. В связи с последними высказываниями

и последующей дракой старший лейтенант Демьянов вполне мог дезертировать, надеясь на содействие американских властей, — на флоте уже бывали подобные случаи с членами команд, прибывших принимать новые корабли. Не обнаружив товарища в кабине стрелка (а это были самые страшные мгновения в Васиной жизни), Чиваркин поначалу именно так и подумал. Но после первого шока, когда он обшарил глазами кабину, ему открылось одно существенное обстоятельство.

Начальство ждало разъяснения. В конце концов коммунист Чиваркин собрался, облизал губы и сказал особисту:

— Обходя грозовую тучу, я заложил вираж, во время которого штурман и вылетел. Колпак турели был распахнут.

— Почему?

— Что почему?

— Почему был распахнут колпак? — особист схватился за виски и стал судорожно их массировать. И ответил сам себе. — Да нет же. Он дал стрелка, сукин сын. Выпрыгнул! Черт...

В этом «черт» звучало такое отчаяние, что Чиваркин невольно вздрогнул.

— Я думаю, Демьянов вылетел в момент моего виража, — с затруднением, словно выталкивал из себя что-то очень тяжелое, сказал Вася.

— Прекрати покрывать штурмана! — оборвал его особист Крушицкий, переходя на «ты». — Какого черта ты его покрываешь? Врешь — никакого виража не было. А если и был, то он мог выпрыгнуть раньше. Зачем ему понадобилось открывать колпак?

Повернувшись к Мишину, особист прохрипел:

— Обратите внимание, товарищ подполковник, на то, что Чиваркин сознательно лжет.

— Прежде всего, товарищ майор, давайте успокоимся, — примирительно сказал командир полка. — И выслушаем пилота.

— Он не сбежал, — доложил Чиваркин, обращаясь к Мишину. — Он вылетел. И вылетел именно по моей вине.

— Вася, а ты в этом уверен? — спросил комполка.

— Ботинок, товарищ подполковник, — вздохнул Чиваркин.

— Что — ботинок?

— В кабине стрелка я нашел расшнурованный ботинок. Демьянов почему-то снял его. Он не собирался покинуть кабину. Алёшку выбросило.

— Но колпак-то он распахнул! — продолжал наседавать на Васю Крушицкий.

Мишин сказал:

— Штурмана иногда распахивают колпак для того, чтобы определиться с местоположением. Я хочу вот о чем поразмышлять. Товарищ майор, как вы думаете, может ли находящийся в здравом уме и памяти человек, который, допустим, собирается совершить побег и наверняка заранее к нему готовится, выпрыгнуть в безлюдной гористой местности с одним только планшетом, имея на себе всего один ботинок, а другой для чего-то оставив в турели?

— Где обувь? — вскинулся Крушицкий.

— В кабине. Я ничего не трогал, — сказал Чиваркин.

— Это ты, Вася, правильно сделал, — задумчиво произнес Мишин, продувая отечественную папиросу. Затем с помощью самодельной зажигалки-гильзы, которая прописалась в карманах его галифе еще с 41-го года, прикурил ее. — Товарищ майор, пойдемте-ка осмотрим самолет.

Троица отправилась на взлетную полосу: туда, где возле еще не остывшего «бостона» рассеянно топталось несколько техников. Не успел подполковник обратиться к обслуживающему персоналу, как Крушицкий, забежав вперед, приказал всем немедленно удалиться. Затем, когда техники послушно отправились «с поля», вновь окликнул их, вновь к ним побежал, совершенно не заботясь о том, какое впечатление он произведет своей суетливостью, и тихо о чем-то поговорил с техническим составом,

после чего самолетные чернорабочие одновременно приставили руки к головным уборам (кто к пилотке, а кто к совершенно неуставному берету) и весьма быстро избавили от себя полосу.

Мишин приказу особиста удивился — хорошо знакомые с «жучком» спецы в случае необходимости могли бы выступить консультантами: но возражать не стал.

Крушицкий первым полез по технической лесенке к турели стрелка, сунул в кабину голову, быстро скатился вниз и молча отошел в сторону. На его лице отобразилась мучительная дума. Затем, нещадно дымя папиросой, место происшествия осмотрел комполка. За ним — для чего-то еще раз — несчастный Чиваркин. Новенький американский вещдок по-прежнему находился в кабине как напоминание о друге. Вася вспомнил, как всего несколько часов назад в уютной казарме базы Лэдд-Филд восторженно тыкал ему в нос этим проклятым ботинком несчастный Алёшка; представил себе горно-лесистую пустыню, над которой «бостон» только что пролетел — и Чиваркину стало вовсе нехорошо.

Повисло угнетающее Васю молчание. Мишин жевал очередную папиросу. Зажигалка совершенно расхотела работать, словно чувствовала напряжение — напрасно подполковник ее тряс. Крушицкого ботинок больше не интересовал — особист о чем-то усиленно размышлял: так напрягся, что даже морщины на лбу разгладились.

«Загребут, — думал Чиваркин, уставившись в бетон и завидуя ползущему мимо беспечному, неторопливому жуку. — Как пить дать, загребут. Будут трясти как грушу. Хорошо, если потом на фронт. А если законопатят? Лет на пять. Или на десять, без права переписки. Может, прослышали про наши с Лёшкой разговоры?»

Ничего хорошего от будущего он не ждал.

Подполковник бросил бесполезную борьбу с фронтovým амулетом, безжалостно сдал папиросу и сказал:

— Так или иначе — штурмана надо искать. Сообщу в штаб дивизии. Доложим американцам. Они поднимут амфибии — средств и возможностей у них для этого хватит...

И здесь особист повел себя совершенно уж странно: Крушицкий поперхнулся, замахаля руками как мельница и подскочил к подполковнику. От волнения он перешел на сип:

— Какие американцы? Никаких американцев! Вы слышите? Никаких! Никакого штаба дивизии. Товарищ подполковник, это приказ. Дело чрезвычайно важное. Чрезвычайно... Только своими силами. Только своими... я сам свяжусь, я...

Мишин удивленно посмотрел майора и медленно отчеканил:

— Во первых, я обязан доложить о ЧП. Ситуация, на мой взгляд, ясна: человека надо искать. И чем скорее, тем лучше. Во-вторых...

Крушицкий не унимался:

— Товарищ подполковник. О ЧП наверх докладывать буду я. И докладывать в том случае, если в течение недели мы имеющимися здесь, на базе, собственными средствами его не разыщем. Еще раз повторяю — искать будем своими силами. И чтобы ни одна муха об этом не знала. Ни одна...

— Без американцев вряд ли найдем, — ответил подполковник.

— Я же сказал — никаких американцев.

— Гидроплан нужен, — угрюмо твердил Мишин. — Без гидроплана нечего делать.

— А что у нас в наличии? — спросил майор.

Мишин вздохнул и ответил:

— У нас в наличии старенький латаный-перелатаный Ш-2. Слышали о таком? Смех один, а не машина. Двигатель уже тысячу раз перебирали. Все равно — едва тянет: два-три часа полета — нужно искать посадку. Перегревается. Почту еще можно доставить. Слетать туда-сюда. А у американцев, осмелюсь напомнить, «Каталины»: два «прайд энд утни» — тысяча двести лошадок. Звери! Дальность полета — четыре тысячи километров... Что там Аляска — они готовы сутками над океаном висеть.

Однако майор Крушицкий был непробиваем:

— Товарищ подполковник, я достаточно ясно высказался. Если под рукой ничего больше нет, давайте свой «Ш». Черта в ступе давайте, но только, чтоб тихо...

И потащился бледный Чиваркин за обоими начальниками обратно в здание штаба, в кабинет Мишина, в котором и разложил подполковник на столе летную карту. Все на той карте пестрело значками и обозначениями, все там выглядело исключительно компактным, хотя Чиваркин, не раз летавший по маршруту, хорошо знал: каждый сантиметр обозначает такие расстояния, которые за день и на автомобиле не преодолеть, не то что пешком.

— Вася! Ты соберись, соберись, — вернул пилота из прострации командир. — Покажи, как шли.

И Вася, собравшись, показал «как».

— Здесь чуть отклонились, — вспомнил. — Над пиком «пятнадцать-двенадцать». Точно знаю. Хорошо пик видел. Потом вернулись на трассу. Вот здесь, кажется, встретили грозовой фронт... Шли в облаках какое-то время...

Докладывая, Чиваркин немного успокоился. Вскоре уверенность его до того выросла, что летчик взял один из командирских карандашей, лежащих на столе, показывая предполагаемые отклонения. Спокойствие, с которым, в отличие от майора, обкусавшего все ногти на пальцах, Мишин его выслушивал, подбадривая кивками, породило надежду: может быть, все образуется и, чем черт не шутит, отыщется в стогу сена, которым была для Чиваркина чужая, то ледяная, то чересчур жаркая Аляска, микроскопическая игла — непутевый штурман Демьянов. Возле еще одного ориентира — пика «пятнадцать-шестнадцать» — карандаш задержался.

— Кажется, здесь.

— Кажется? — откликнулся майор.

— Более подробные координаты дать не могу, но район точно этот.

— Около пятидесяти километров в радиусе, — присвистнул подполковник, обводя территорию вокруг пика жирным красным цветом. — Веселенькое дельце...

— После виража я обошел «пятнадцать-шестнадцать» слева, — вспомнил Чиваркин.

— И где, по-твоему, примерно, он выпал?

— Думаю, слева от пика и вылетел...

— А высота?

— Не менее тысячи пятисот...

— Значит, открыть парашют мог?

— Мог, — с надеждой подтвердил Чиваркин. — Открыл... Товарищ, подполковник, разрешите, я полечу.

— А тебе, Вася, деваться некуда. «Жучок» твой на родину другие перегонят, а ты будешь искать своего штурмана, пока все с ним не прояснится.

— Сколько мест на вашей колымаге? — спросил подполковника Крушицкий.

— Гидроплан трехместный.

— Хорошо. Готовьте для меня сиденье.

— Боюсь, не выйдет, — отвечал комполка. — С пилотом обязательно должен лететь техник. Плюс место для спасенного. Если, конечно, операция завершится успешно.

— Ничего, — ответил майор. — Как-нибудь потеснимся.

— С собой нужно взять запас продуктов, — не уступал Мишин. — Медикаменты. Возможно, кое-какие запасные детали. Их тоже надо куда-то девать.

— Денете, — угрюмо сказал особист. — Привяжите к крыльям. Голь на выдумки хитра.

— Вот именно, голь, — вздохнул Мишин. — И все-таки, товарищ майор...

— Товарищ подполковник, — в свою очередь сказал майор. — Решение не обсуждается. Дело государственной важности.

III

Дело, действительно, оказалось государственным и в высшей степени важным, но о сути того дела разволновавшийся Крушицкий рассказать подполковнику не имел никакого права. А суть заключалась вот в чем: помимо жизни явной — бесперебойной переправки самолетов и грузов — не менее интенсивно кипела по всему Алсибу еще одна, известная лишь немногим, жизнь. Разведка двух стран не сидела сложа руки: правдами и неправдами союзники пытались выудить друг у друга как можно больше секретов. Американцы активно обхаживали советских спецов, подсылая к тем из них, кто занимался приемкой, подсадных «казачков», которые исподволь, как бы случайно, затеявая с русскими во время совместной работы разговоры, ненавязчиво старались склонить последних к сотрудничеству, а то и к прямому бегству. Для таких «тихих дел» самым беззастенчивым образом привлекалась донельзя обозленная на большевиков белая эмиграция, ее-то в Америке хватало с избытком: бывшие дроздовцы и каппелевцы под видом детройтских рабочих оказывались рядом с озабоченными инженерами из Куйбышева и Новосибирска, прислушиваясь к их разговорам и при случае «открывались», обещая невиданные блага за передачу той или иной информации. Такие провокации, как подсовываемые опять-таки новосибирским и куйбышевским техникам и инженерам газеты «Наша Речь», «Новая Заря» и «Русское Обозрение», были вообще обычным делом. И нельзя сказать, чтобы подобные махинации фэбээровцам не удавались: случались утечки, и, что особенно позорно, среди советских граждан, многократно проверенных «органами», находились перебежчики. Иногда планы побега выявлялись на ранней стадии — товарищи замышляющих «сделать ноги» тоже не дремали, докладывая «кому надо» о странном поведении соседа. Но бывали проколы, за которыми «летели головы» не только непосредственных начальников беглецов, но кое-кого и повыше, что не могло не нервировать всю систему. Так что отечественная контрразведка и в злосчастном Фэрбанксе (где ей только и оставалось, что «глядеть в оба»), и в не менее хлопотном Номе не знала ни сна, ни отдыха.

Но и русские были не лыком шиты! И большевики кое-что могли! Что касается советского шпионского ведомства, Лубянку интересовали возможности американской авиационной промышленности. Время от времени переправлялись в Россию материалы чрезвычайной важности, и Алсиб играл в той переправке далеко не последнюю роль. Голь действительно была хитра на выдумку — порой «финты» советских разведчиков приводили ФБР в настоящий ступор. «Друзьям»-американцам приходилось ломать голову, чтобы хоть как-то противодействовать напористости «этих русских», ибо в ходе шпионской катавасии, не менее интенсивной и головокружительной, чем полеты над Аляской истребителей и бомбардировщиков, Советы постоянно совершенствовали не только способы добычи сведений, но и способы их надежной доставки. Схватка усложнялась по мере того, как росло количество изготавливаемых на заводах «Боинг» изделий. Задача приобретения данных о приборах бомбометания, сплавах, ноу-хау в авионике становилась все более актуальной, а противодействие американской контрразведки, быстро набравшейся необходимого опыта, — все более ощутимым.

И вот какому-то умнику пришла в голову мысль переправлять секретную информацию под носом у американских партнеров по исключительно быстрому пути. Доставляемые из авиакорпораций (в том же «Боинге» трудились на разных должностях искренне сочувствующие советской России американские коммунисты) в Фэрбанкс контейнеры с микропленкой помещались при помощи специальных креплений внутрь парашютных сумок, которые потом надевали на себя «советские перегонщики». Летчики, понятное дело, ни о чем не догадывались. Через сутки-двое поистине драгоценные для руководства страны парашютные сумки оказывались на чукотских аэродромах, где их, после того как летуны оставляли парашюты на попечение техников, освобождали от содержимого вовремя оказывающиеся в нужном месте нужные люди. Они-то уже «своими бортами» и переправляли «полученные данные»

по самому высокому адресу. Конечно, риск был — но считался малым; такая отправка себя достойно оправдывала до того момента, пока очередной контейнер не попал в сумку злосчастного штурмана Демьянова. Ситуация усугубилась тем, что содержал контейнер фотодокументы, которые в Москве ожидали со дня на день и о важности которых были осведомлены лишь немногие специалисты «плаща и кинжала». Оказавшийся в Номе майор, будучи как раз одним из тех «спецов», имел о трафике самые полные сведения, и данные ему инструкции были чрезвычайно важны: он должен встретить на аэродроме именно этот борт, взять под негласное наблюдение парашютную сумку, от которой на несколько часов избавится отдыхающий штурман, проследить за подготовкой экипажа к последующему перелету, а затем, когда сумка вновь будет штурманом надета, — и за благополучным взлетом «бостона» с номского аэродрома.

Стоит ли тогда говорить, что исчезновение Демьянова особиста попросту подкосило?

IV

Отечественный Ш-2 (техники ласково звали оказавшуюся в Номе почтенного вида посудину по-женски — «Марь Ивановна») красотой не блистал. Этот полтораплан с коротким нижним крылом, на котором помещались поддерживающие поплавки, свой первый полет совершил еще в начале тридцатых на Крайнем Севере в качестве санитарного самолета (вот почему, в отличие от многих Ш-2, кабина на нем была закрытой). Трудилась «Марь Ивановна» и в Белоруссии, и в Карелии, пока в результате обстоятельств, весьма уже потрепанная, прошедшая два ремонта, не оказалась на Дальнем Востоке. Двигатель М-11, подобно многим своим отечественным собратьям, не отличался такой железобетонной надежностью, которой могли похвалиться заокеанские «прайды», но по мере сил своих (скромные сто лошадиных сил) раз за разом поднимал «Марь Ивановну» над Беринговым проливом до высоты трех тысяч метров, добросовестно доставляя ее с одного материка на другой.

В последнее время Ш-2 держали в Номе: интенсивность перелетов требовала постоянного нахождения на перегонном аэродроме представителей штаба дивизии. Стрекотала «Марь Ивановна» и по маршруту Ном—Фэрбанкс, имея пусть и небольшой, но все же опыт посадок на аляскинских холодных озерах. Несмотря на хлипенький мотор, в этих полетах не возникало с самолетом проблем по одной простой причине: за гидропланом был самый тщательный уход. Ухаживала за «Марь Ивановной» единственная в авиадивизии представительница слабого пола, трудившаяся в составе технического персонала. Попала в 1-ю авиаперегонную Людмила вместе с мужем, но муж, летчик, перегнавший не один «бостон», был отправлен на фронт. Война не знает сентиментальности — молодая жена, несмотря на все просьбы перевести ее к супругу под Курск, осталась в самом глубоком тылу вместе с приставленным к ней гидропланом, который изучила до последнего винтика. Все здесь звали Людмилу по отчеству — Богдановна, что говорило о крайней степени к ней уважения. Работала Богдановна, как киношная трактористка Марьяна, исключительно добросовестно. Это благодаря ее упрямости все необходимое на старенький гидроплан доставлялось вовремя, уход за двигателем после каждого вылета был самый тщательный, при малейшем кашле мотора следовал его осмотр; кабина поддерживалась в идеальной чистоте; пожелания летчиков, касающиеся поплавков, закрылков и прочих самолетных деталей, немедленно выполнялись. Комбинезон Богдановны лоснился от машинного масла; кроме того, носила странная Людмила огромную кожаную кепку, под которую прягала свои рыжеватые волосы, в результате чего сильно смахивала на подростка. Однако по поводу одежды (как и по поводу весьма небольшого росточка) нисколько не комплексовала. Ко всем прочим своим достоинствам была она чересчур независима: могла послать «по матушке» даже старшего по званию, если на то находилась веская причина. Подобное непочтение старшие, как правило, пропускали мимо ушей.

Скорее всего, днюя и ночуя возле своего Ш, женщина отвлекалась от мыслей о муже и, опекая «старушку», хоть как-то успокаивалась. «Марь Ивановне» это шло только на пользу — в итоге гидроплан постоянно был на ходу и — что самое главное — на скромный самолетик в любое время могло рассчитывать начальство, хотя бдительная церберша не раз предупреждала — мотор на износе и в любой момент может гигнутья.

V

— Две канистры бензина, — загибая пальцы, сразу принялась перечислять техник, узнав о причине своего вызова, — а также кусок брезента, ведро, два куска мыла, одеяла — желательно штук пять-шесть...

— Ведро тебе зачем? — вскинулся Мишин.

— А куда в полете прикажете справлять естественные надобности? — не моргнув глазом спросила Людмила. — Писать, простите, куда, если приспичит? Да не смотрите на меня так, товарищ подполковник: я в случае чего, отвернусь. И мужчина, в случае, отвернется...

— В данном случае — мужчины. С вами полетит еще один пассажир, — сказал Мишин, кивнув на мрачного майора.

— Некуда запихнуть вашего пассажира, — нагло снизу вверх ответила маленькая Богдановна. — Я уже говорила — две канистры, одеяла шесть штук, брезент... Инструменты кое-какие, запаска... Ящика три, не меньше.

— Люда, это даже не обсуждается.

— Куда его сунуть? — без всякого почтения к стоявшему рядом с Чиваркиным особисту спрашивала ершистая Людмила.

— Сунете, — отрезал подполковник. — Хоть на крыло сажайте. Разговор окончен. Давай, дуй на склад, возьми самое необходимое по моему особому распоряжению. Все, что там найдешь для себя, — гребни. Вот бумага. И — с Богом!

— Товарищ подполковник. Распорядитесь, пожалуйста, с биноклем, — жалобно напомнил Чиваркин. — Желательно, морской, если в наличии. А лучше — два, раз полетим втроем.

— Морские, Вася, я тебе вряд ли найду. Артиллерийские попробую... Людмила, загляни-ка к ребятам на вышку.

Прошло еще какое-то время. Мишин исчез. За дверьми кабинета шла обычная жизнь: гремели по крыльцу и шаркали по полу сапоги проходящих и уходящих спецов, тренькали телефоны, временами кто-то монотонным голосом надиктовывал метеосводку, иногда включалась радиосвязь, и вперевод с родной речью слышалась английская с неподражаемым американским «рррр». Неожиданно проснулась аэродромная полоса; отдохнувшие несколько часов на ней, словно перелетные гуси, ленд-лизовские «киттихоуки» один за другим пронеслись перед окном, возле которого застыл незадачливый Вася, взмыли в небо и взяли курс на отечественный Уэлькаль. Следом с еще большим ревом над Номом поднялось звено «бостонов». Сердце Чиваркина заняло так ощутимо, что он невольно вынужден был помассировать левую сторону груди — именно в том строю и должен был сейчас находиться их с Алёшкой «жучок».

Майор старательно изучал карту, делая пометки в своем блокноте.

— По бокам пика протекают реки Хашиба и Тэш, — размышлял вслух. — Хашиба с южной стороны хребта приводит прямо к селению Хэви-Литтл. Если следовать вдоль ее берега и обойти озера Лоурк и Ноуви, будет дня три пути, не больше. Сделаем поправку на отсутствие обуви и прибавим еще один день: итого — четыре. Если штурман окажется на северном склоне, то ему ничего не останется, как спуститься к Тэш — правда, здесь у реки большая излучина. Тэш выходит через озера Большой и Малый Котэн к поселку Майткон, но пробираться туда при самом благоприятном стечении обстоятельств неделю, не меньше. Так что весь вопрос в том, на какой стороне хребтины он приземлился... Если приземлился, конечно...

Появился подполковник, лично проследивший за отправлением к гидроплану грузовика с канистрами, брезентом и одеялами. Прибежала Богдановна с вещмешком, набитым тушенкой, буханками хлеба и хорошо знакомыми Чиваркину по Фэрбанксу плитками американского шоколада. Кроме своего сидора, а также двух пустых, предусмотрительно прихваченных со склада для спутников вещмешков, молодая женщина притащила бинокли — пока она спешила к зданию, Вася видел, как кожаные фуляры тяжело болтаются на ее маленькой груди, и невольно поразился энергии, с которой «трактористка» взялась за дело.

Крушицкий вновь принялся распоряжаться. Расстроенного летчика вконец удивило требование особиста сдать документы. Чиваркин в первый раз возразил:

— Мы что, на вражеской территории?

— Пока нет, — многозначительно ответил майор, — но удостоверение оставьте здесь.

И расстегнул нагрудный карман своей гимнастерки.

— Пуговичка у вас болтается, — тотчас разглядела клапан майорского кармана домовитая Богдановна, у которой документов с собой не оказалось, — надо бы пришить...

— Не до нее! Сдавайте удостоверение, капитан.

Мишин беспрекословно открыл ключом маленький ящичек-сейф. «Плохая примета, — кольнуло Васю, — как в разведку идем». Но выступать не стал. Крышка ящичка тотчас захлопнулась, пряча в себе прежнюю Васину жизнь, и настолько теперь хорошей показалась капитану та его запыленная жизнь между Фэрбанксом и Уэлькалем — он даже удивился, что раньше так ругал ее, думая, что является самым несчастным человеком на свете. Впрямь: от добра добра не ищут. Оставшись без документов, Чиваркин неожиданно почувствовал себя голым. Честно говоря, отвратительное это было чувство. Выходило, что теперь он «никто», серый «мистер Х», и случись с ними беда, если и найдут останки несчастного капитана Василия Ивановича Чиваркина, то похоронят его как неизвестного. Даже у Лёшки Демьянова, которого они отправлялись искать, есть офицерская книжка, а значит, шанс, что не сгинет штурман бесследно. А вот он, Вася, благодаря этому чертову майору, очень даже может сгинуть. Он мельком взглянул на женщину — вот «амазонке»-то все равно: она по поводу непорядка с крошечной пуговицей сокрушается! Непонятные все-таки женщины существа: словно с другой планеты.

Перед вылетом состоялось краткое совещание. Зону поиска поделили на квадраты. Поначалу решили обследовать окрестности самого пика, а затем облететь хребет с южной и северной сторон. В 1-й перегонной, как правило, служили «северяне», прошедшие школу полярных полетов, поэтому Мишин в Чиваркине не сомневался: тем более, тот не раз брал штурвал Ш-2 еще во время службы под Мурманском. А вот на болезненного Крушицкого поглядел с некоторым недоверием: не нравились ему вид и кашель майора. Подполковник предложил «представителю органов» утеплиться, и после того как тот дал согласие, распорядился с одеждой: особисту вручили кожаную куртку и летный шлем. Разыскали для него и подробную карту района, правда на английском, зато с тщательным указанием высот, речных и озерных глубин, а также сигнальницу с комплектом из десяти ракет. Личное оружие — ТТ с запасными обоймами — было и у капитана, и у майора.

— Медведей отогнать хватит, — со знанием дела сказал подполковник.

VI

И трех часов не прошло с момента появления Чиваркина в штабе, как выехали они на добротном союзническом «джипе» на окраину захолустного Нома, постоянно библикая, объезжая не торопящихся свернуть с их пути местных собак и их хозяев, которые приветствовали русских улыбками и взмахом руки по распространенной, пожалуй, во всех подобных городках мира провинциальной привычке улыбаться и приветливо махать рукой любому приезжему, и подкатили к океанскому берегу.

В бухте, прикрытой от волн дамбой и боновыми ограждениями, располагался еще один аэродром: союзники зорко следили за японскими субмаринами. Подходы, ангары, мостки — все было сделано аккуратно, толково, с чисто американской любовью к удобствам. Богдановну янки знали, подполковника тоже; вальжанные часовые, такие же приветливые, как местные собаки и рыбаки, кивнули им, пропуская машину на базу. Добраться до поцарапанной «Марь Ивановны» труда не составило — Ш-2 приткнулся к ближнему пирсу.

Недалеко от краснозвездной «Маши» отдыхала «Каталина»: настоящий плавающий дом с невероятной дальностью полета. Чиваркину не так давно удалось на одной такой побывать: что говорить, он был потрясен просторностью «американки». Пять отсеков внутри корабля-самолета закрывались герметически, как на подводной лодке. Впечатлили Васю и места отдыха для экипажа — на койках можно было комфортно выспаться, понравились и боковые кабины, из которых велся обзор, и галюн, а особенно камбуз с кофейной машиной, готовой в любой момент выдать порцию столь любимого им напитка любому желающему.

Вздыхнув, повернулся Чиваркин к отечественному, до слез родному Ш-2. В глаза ему бросилось стоявшее на причале ведро. Возле «Марь Ивановны» уже шла суета: три техника, выгрузив те самые канистры, одеяла и еще какие-то вещи в мешках, выстроившись короткой цепочкой, передавали их на корабль. Подполковник с майором сунулись было к посудине, однако юркая Богдановна категорически воспротивилась помощи. Пропустив мимо ушей советы бывалого Мишина, она все распределяла сама, укладывая одно в кабину, другое — в грузовой отсек, обращаясь с имуществом по-женски толково и быстро. Под конец почти молниеносных сборов, на глазах у американских летчиков, также собиравшихся в поход (этим парням готовила «Каталину» целая дюжина береговых помощников), сметливая русская баба примотала к фюзеляжу два ящика, сообразив со сноровкой бывалого боцмана такие веревочные узлы, что столпившиеся на соседнем пирсе американцы, с интересом наблюдающие за «крейзи вумен», восхищенно присвистнули.

— Готово, — доложила Людмила, ловко, как обезьяна, забираясь в кабину, но по-прежнему не успокаиваясь и все что-то там укладывая и перебирая. Следом, осторожно нащупывая нижнее крыло сапогами, кряхтя, пробрался на свое место Крушицкий, которому только и оставалось втиснуться между ящиками. Оба — и техник, и особист — одновременно взглянули на Васю. Чиваркин, вздохнув, полез на место пилота: жесткое, тесное, неудобное после просторной кабины «бостона». Поерзал, привыкая, уставился на приборный щиток.

— Мотор к запуску готов, — доложила Богдановна.

— Давай, — напутствовал подполковник.

Мотор, слава богу, завелся, но винт разгонялся медленно, словно был недоволен, что его побеспокоили: «трын-трын-трын», и раскочегарился только тогда, когда внимательно следившие за спектаклем янки добродушно захохотали. Ветхая «посудина» закачалась, показывая союзникам обшарпанный, неприглядный бок.

— Что у нас в плюсе? — спросил себя Чиваркин. И сам себе ответил: в плюсе вот что — погода благоприятна: небо чистое, море относительно спокойно.

Что в минусе?

В минусе был сопящий за спиной болезненный майор: недремлющее «око государево», источник неприятностей в случае провала собранной на скорую руку экспедиции.

Оставалось найти Алёшку.

Деревянная «Марь Ивановна» закашлялась, выпустила синий дымок и, по-утиному переваливаясь, побежала по волнам.

VII

Несмотря на приложенные особистом Крушицким усилия, исчезновение советского штурмана из кабины «бостона» тайной для американцев не стало. Уже вечером того злополучного дня в отделение контрразведки ФБР на базе Лэдд-Филд в Фэрбанксе был срочно вызван сотрудник, носивший самую незамысловатую в Штатах фамилию — Смит. И звали сотрудника Бесселом.

Что за человек был этот тридцатилетний лейтенант, за два года своей службы заслуживший у коллег прозвище Неторопливый Бесси? А был он человеком умным, расчетливым и спокойным: то есть имел все качества для того, чтобы достойно служить в закрытом и тихом ведомстве. До момента своего поступления в Гарвард, подобно многим жителям великого континента, он вообще не интересовался миром и искренне считал пупом земли город Финикс, столицу штата Аризона, в котором родился, вырос и научился играть в регби. Впрочем, пять курсов университета также не добавили особой тяги к изучению дальних стран: по просьбе отца, патриарха большой семьи (три младших брата студента, две старшие сестры), Бессел готовил себя на место Смита-старшего, основателя фирмы по производству консервированных томатов. Но планы изменила срочная женитьба на сокурснице, осчастливившей гарвардского выпускника неким интимным известием. Молодому папаше по настоянию жены, уроженки «Большого Яблока», пришлось остаться в Нью-Йорке и какое-то время поработать юристом в этом забористом городишке — а затем наступил Перл-Харбор. Вскоре после того, как Бессел примерил военную форму, в одной из аудиторий центра по подготовке офицеров флота с бывшим юристом имели беседу два учтивых, вежливых джентльмена. Результатом непринужденной беседы стало отбытие Смита на Север под начальство не менее толкового, чем вербовщики, майора Стэнли Хиггинса, относящегося к своим подчиненным, как говорится, запанибрата (что располагало их к более доверительному и интимному с ним общению) и имеющего талант излагать суть самых важных дел в емких коротких фразах.

Правда, на этот раз непосредственный начальник «неторопливого Бесси» несколько изменил себе. Он начал издали:

— Как ты уже знаешь, Бессел...

Бессел, действительно, все уже знал — речь шла о раскрытии канала, по которому долгое время утекали в сталинскую Россию секретные данные. На этот раз ФБР не только распутало сеть советских агентов на заводе «Уиллоу Ран» и в самом Лэдд-Филде, но успело за несколько часов допроса склонить одного из исполнителей простого и эффективного трюка с парашютами к сотрудничеству. Чрезвычайно досадным промахом для контрразведки было опоздание с арестом: агент уже передал контейнер. Таким образом, люди из ФБР знали номер самолета, знали, что хранит в себе парашютная сумка штурмана, но не смогли воспрепятствовать передаче сведений: «бостон» находился на перегоне. Так что, вежливо выслушав старшего по званию, Смит позволил себе заметить:

— Значит, мы все-таки не успели, Стен. Далее, думаю, тебе не стоит расцарапывать прыщ...

— А вот далее, Бессел, начинается самое интересное, — сказал Хиггинс, присаживаясь на край стола. — Согласно полученным данным, во время перелета русский штурман выпрыгнул из кабины.

На эту новость Смит внешне не отреагировал, однако Хиггинс хорошо знал подопечного. И, помолчав, продолжил:

— Точно еще ничего не известно, но вполне возможно, мой дорогой Бессел: это как раз тот самый случай, благодаря которому мы имеем шанс на реабилитацию.

Природный выдержанный нрав по-прежнему позволял лейтенанту сохранять невозмутимость.

— Что ты думаешь по поводу прыжка? — спросил майор.

И здесь Бессел Смит разомкнул губы, рассудив:

— Думаю, он решил сбежать к нам — если, конечно, русскому не пришлось в голову покончить жизнь самоубийством...

— Интересно, он знает о содержимом сумки?

Лейтенант Бессел Смит вновь отрешился. Майор Хиггинс терпеливо ждал. И дождался.

— Ничего не могу на это ответить, — сказал Неторопливый Бесси. — Кстати, если русский все-таки решил свести счеты с жизнью, мог он оставить парашют в кабине?

— Он не оставил сумку в кабине, — четко и ясно сказал Хиггинс.

— Точно?

— Совершенно точно.

— Как бы там ни было, надо действовать, — спокойно сказал Смит.

— Вот почему я тебя и позвал, — откликнулся Хиггинс. — Собирай манатки и вылетай в Найт-Филд. Тебя уже ждут: насчет поисков я договорился. Район огромный, но у ребят приличный опыт. Да — что касается экипажа: вы ищите пропавшего летчика — вот и все, что они должны знать. И не забудь захватить врача. Полномочий у тебя достаточно, но, если не столкнешься с эскулапами, а они любят взбрыкивать, срочно дай знать.

— Проблем не будет, — откликнулся лейтенант Смит.

— Я знаю, — сказал Хиггинс. — Я знаю.

Он действительно знал: там, где «брал штурвал на себя» Неторопливый Бесси, проблем, как правило, не возникало.

— Как ты понимаешь, нам не стоит ссориться с Советами, — добавил майор. — По крайней мере, сейчас. Поэтому провернуть нужно все как можно более тихо и как можно более быстро. Подчеркиваю: без излишнего шума. Лучше бы, если о твоей экспедиции вообще никто ничего не ведал...

VIII

Надо отдать должное американским контрразведчикам — эти ребята действовали не менее быстро, чем особист Крушицкий. Стоило только Хиггинсу взяться за телефон, государственная машина тотчас пришла на помощь: она заработала надежно и слаженно — что и говорить, к 43-му году приобретшие опыт янки научились хорошо смазывать ее прежде весьма неторопливые механизмы. В Аляске парни из ФБР сражались на два фронта — против японцев и против своих пытливых союзников; им приходилось вертеться и время от времени трепать нервы армейскому командованию, требуя от него незамедлительной помощи. Негласные правила армии США рекомендовали личному составу не особо противодействовать вежливым ребятам в штатском, довольно часто возникающим в штабах Хейнса, Ситки, Грейт Фолза и Анкориджа и предъявляющим свои жетоны. У тех же, кто отмахивался от их ненавязчивых просьб, неважно, касалось ли дело совершенно обнаглевшего тылового сержанта или солидного контр-адмирала, рано или поздно, как правило, возникали неприятности, так что большие и малые начальники баз авиации и флота по всему Тихоокеанскому побережью знали: ФБР не стоит заставлять ждать. Вот почему от опытного Стэнли мгновенно протянулись невидимые ниточки к десяткам людей, отвечающих за воздушное патрулирование, метеосводки, свободных от службы пилотов, подходящие для миссии самолеты и, наконец, продовольственные и вещевые склады, на которых, при желании, можно было отыскать даже винтовки Бердана образца 1870 года. Таким образом, не успел лейтенант спуститься с трапа транспортного «дугласа» в Найт-Филде, сжимая в одной руке чемоданчик, а через другую перекинув плащ, как ему доложили: двухмоторный патрульник «грумман» с дальностью разведки до тысячи пятисот километров (два члена экипажа, три пассажирских места) заправлен, укомплектован двумя палатками, тремя раскладными стульчиками, раскладным столом, противомоскитными сетками, дополнительным запасом топлива, одеялами,

спальными мешками, примусом, запасом продуктов на несколько дней (яйца, бекон, арахисовое масло, соки, сэндвичи с тунцом), тремя призматическими биноклями, охотничьим карабином и готов к немедленным поискам. Пока Бессел дотошно изучал в трясушемся «дугласе» карту, все это было доставлено со складов по требованию опытного и заботливого Хиггинса. Вольнонаемные пилоты «грумман» Дэвис Корт и Билл Ридли, оба молодые, оба розовощекие, оба не чуждые юмору, встретили прибывшего контрразведчика тут же, на полосе, провели с ним короткое совещание (Бессел не без удовлетворения отметил сообразительность парней, с которой те определили наиболее подходящий маршрут) и после инструктажа были отпущены отдыхать до пяти тридцати утра. Полномочий Неторопливого Бесси оказалось достаточно, чтобы поиски «толкового и надежного» доктора заняли не более часа. Пара-другая звонков — и из ближнего госпиталя на базу, прихватив с собой все необходимое, уже в темноте прикатил хирург Джонни Трипп, пессимист-флегматик с бульдожьим лицом. Ему и невозмутимому Бесселу, коротко сообщившему доку о цели завтрашнего вылета, отвели места в офицерском общежитии. Найт-Филд затих до рассвета.

Спал Бессел, по своему обыкновению, крепко.

IX

Увы, русская троица похвастаться безмятежностью сна не могла.

Когда накренился и исчез вместе со всеми своими домами, складами и бонами маленький Ном, когда океан также растворился позади хрупкого самолетика, на какое-то время занятый «Машей» Чиваркин позабыл о бедах и горестях. Ш-2 напомнил ему о заре авиации, но он хорошо знал неприхотливую эту машинку и вел «шаврушку» уверенно, хотя двигатель «Ивановны» действительно оказался не первой свежести. Впрочем, за себя, за особиста и за техника незадачливый капитан был более-менее спокоен: в случае поломки мотора ничего не стоило тут же спланировать на один из раскиданных повсюду бесчисленных водоемов. И вот о чем Чиваркин подумал, приравливаясь к непривычному после «жучка» штурвалу: человек не имеет крыльев, следовательно, сама природа указывает ему на его место — хомо sapiens создан для хождения по земле — и только. Но человек упрям. Он сконструировал механических птиц (весьма, надо сказать, неуклюжих по сравнению с птицами настоящими), чтобы при их ненадежной помощи компенсировать свое постыдное несовершенство. Человеку пришлось создавать «детища» из дерева, из металла, из множества тросов, вставлять в их тела тяжелые металлические ящики, называемые двигателями, и управлять этими несуразными конструкциями при помощи разнообразнейших рычагов, сцеплений, педалей, передач, бензо- и маслопроводов, а также собственных мускулов. Однако в полете мало нажатий на определенные педали и кнопки! Вцепившемся в рычаги и штурвал человеку в кожаных куртке, крагах и шапке-ушанке, снабженной черепаховыми очками, нужно постоянно и самым внимательным образом контролировать манометры, тахометры, высотометры, авиагоризонты, индикаторы воздушной скорости и прочие приборы, число которых переваливает за сотню, а также прислушиваться к уборке шасси, к их выпуску, присматриваться к закрылкам, оглядываться на хвостовое оперение и т.д., и т.п.; и все это делать, ни на секунду не рассеивая внимания, не расслабляясь, не теряя постоянной начеку, ибо малейшая ошибка в откровенно враждебной среде, в которой не может быть точки опоры, грозит для потерявшего бдительность катастрофичным итогом. Что поделать: в царстве облаков, в этом призрачном и опасном царстве, человеку всегда приходится ходить по грани. Да, свои «птицы» он без устали совершенствует, да, приобретает, сердешный, опыт, да, в голове хомо sapiens, умной, смекалистой, золотой его голове в ничтожные доли секунд проигрываются сотни решений (и, как правило, выбирается наиболее правильное), а руки и ноги словно сами собой совершают удивительные по скорости манипуляции — все это,

действительно, правда, но небо не является и никогда не будет являться «обителью человеческой», в чем Вася не раз уже на примере не дотянувших до полосы и сгинувших друзей убеждался. И в Америке летунам приходилось несладко, несмотря на устойчивую радиосвязь: иногда и здесь зимой колпаки кабин покрывались таким инеем, что его с трудом отскабливали от плексигласа подручными средствами, что уж говорить про перелеты до Якутска через Верхоянский хребет! На проклятом полюсе холода приходилось взмывать до шестикилометровой высоты без кислородных приборов. Не все выдерживали — самолеты падали и оставались лежать на скалах без всякой надежды на то, что до их обломков и до останков сидевших в них лейтенантов кто-нибудь когда-нибудь доберется. Не раз, и не два, проводя свои «бостоны» уже над родной землей, видел Вася внизу сверкающие от солнечных лучей куски фюзеляжей «бостонов», «митчелов», «аэрокобр», навсегда оставшихся и в тайге, и в болотах, и каждый раз не выдерживал: отворачивал взгляд, старался думать о чем-то другом. Так что, оно чуждо, оно враждебно, это небо: рассыпанные по трассе пропеллеры, хвосты, крылья, пропавшие пилоты и штурманы — свидетельство его враждебности, скорбное и очевидное. Нет здесь никакой разницы между войной и миром — небо всегда опасно. «Дурачок, — сказал однажды Чиваркину опытный инструктор, битый-перебитый, раненый-перераненный еще с 1-й мировой, дядька с буденновскими усами, — дурачок, — сказал он в тот момент, когда, еще курсантом, сияющий Вася впервые залез в кабину учебного У-2, — чему ты радуешься, дурачок, хочешь остаться там в живых, — ветеран ткнул пальцем вверх, — так вот, хочешь остаться в живых, первым делом спрячь свою дурацкую улыбку...» — «Небо», — добавил дядька, и Вася хорошо запомнил эту его озабоченность». Вспоминал он о хмуром наставнике и в злосчастный день августа 39-го года, когда над тундрой отказали моторы АНТ-4 и Чиваркин непонятно как дотянул до морского припайного льда. И зимой 42-го над все тем же Уэлькалем, в перегруженном отечественном транспортнике, в крыло которого чуть было не врезалась «аэрокобра» (интуиция летчика «Ли-2» за секунду увела самолет от ее смертоносного пропеллера), вспоминал он об усаче («Небо!» — поднял тот палец). Да, небо! Почему же тогда человека все время тянет в небо?! Почему он стремится поднимать в него раз за разом свои неповоротливые громадины; почему в поту и мыле ведет их из пункта «А» в пункт «Б», заставляя себя привыкать к высоте, к вибрации, к качающемуся горизонту, к ветру, к воздушным ямам, и упорно сует свой нос туда, где ему запрещено быть самой его природой? Ответ, конечно же, ясен: заставляет его болтаться в верхних слоях атмосферы все то же присущее всему роду адамовому упрямство, девиз которого: *«мне не дано, но я буду»* — ничем другим подобную тягу не объяснить. Вот о чем думал Чиваркин, управляя «рычагами и тросами», прислушиваясь к движку, чувствуя над собой вращающийся винт и в который раз удивляясь тому простому и непреложному факту, что ведомая им «этажерка» висит сейчас в воздухе и не собирается падать, будучи во много раз этого самого воздуха тяжелее.

Впрочем, рассуждения капитана переместились вскоре в иную плоскость. Взлетел полутораплан удачно, но Аляска — место нешуточное: горы, холмы и хребты дышали здесь ужасающей бесконечностью. Взглянув на подобную картину с высоты полутора тысяч метров и вспомнив о друге, Чиваркин в очередной раз впал в отчаяние. Судя по лесу под крыльями неторопливо стрекочущей «Марь Ивановны», тайга в этих местах была не менее густой, чем сибирская: с белой елью, с сосной по склонам, с зарослями ивы, ольхи и тополя, с высоким седым вереском, в котором не раз и не два замечал Чиваркин медвежьих спины. Попадались внизу и олени карибу, и огромные северные лоси, а стая волков (особей пятнадцать, не меньше), хорошо заметная на одном из горных отрогов, вообще вызвала даже у выдавшего вида и в Сибири, и на том же Севере летчика невольный трепет перед открывавшейся ему природной дикостью. Что там отроги! Одних только озер по маршруту блестело тысяч десять, не меньше! Неудивительно: мысль о том, что Демьянов может безвестно кануть посреди всего этого кошмара, вновь вогнала Чиваркина в дрожь — он не мог не вспомнить о Боге, заодно умоляя «Марью», чтобы та не подкачала.

В начале поисков звезда по имени Солнце благоволила к искателям. До предполагаемого места падения кузнечик-гидроплан, несмотря на одышку, допыхтел достаточно быстро: и сам пик, и его склоны были хорошо видны — но затем начались проблемы. Пока летчик, техник и стиснутый ящиками особист тщетно пытались разглядеть хоть какое-то присутствие штурмана в проплывавших под ними горных складках, вокруг Ш-2 материализовались плотные облака, которые в течение нескольких минут сформировали настоящий многослойный «пирог». С каждым кругом старушке приходилось опускаться все ниже. В азарте поиска Крушицкий требовал совсем прижаться к земле, хотя окутываемый туманом гидроплан и так уже чуть ли не скользил по верхушкам деревьев. Ко всему прочему усилился ветер — крылья «Маши» нешуточно задрожали. В какой-то момент после очередного порыва Чиваркину вообще показалось, что лопаются обшивка.

— Надо бы обратно! — кричала Богдановна.

— Продолжаем поиск! — кричал майор, ворочаясь позади уставшего и, как и он сам, озлобленного отсутствием результатов Чиваркина. — Давай ниже, ниже давай...

В «Марь Ивановне» вибрировало и трещало уже все: кабина, поплавки, приборная доска — однако Крушицкий этого не замечал.

— Домой пора, — настаивала маленькая женщина.

— Ниже давай, — настаивал особист.

Вася «давал ниже».

Когда облака начали совсем смыкаться, слезящиеся глаза Чиваркина успели разглядеть в лесном квадрате справа от хребта белое пятно. Одновременно с летчиком заорал майор, но, несмотря на почти моментальный разворот гидроплана с немислимым креном — крыло несчастной «Марь Ивановны» чуть было не чиркнуло по торчащей, словно гнилой зуб, скале, — все окончательно заволокло туманом.

— Координаты! Координаты запомнил?! — вопил особист.

— Поворачивай к базе! — трясла Богдановна Васю за рукав комбинезона.

— Отставить, — хрипел летчику в ухо Крушицкий, яростно толкая его в спину. — Пока не найдем — никуда. Приводняйся... Приказываю, мать твою... Давай, на первое же озеро!

Чиваркина не надо было упрашивать: пролетев еще километров тридцать в тучах и облаках, самолет выскочил из пелены и соскользнул вниз, к свободной от туч долине, к ее черным елям и блестящей озерной цепочке. Гидроплан прострекотал над горной рекой настолько низко, что стекло кабины мгновенно забрызгалось, затем, перемахнув узкий перешеек, оказался над тихим, крутым, словно блюдце, озерцом. Он проскользил по воде, как по маслу, и с сухим шорохом ввехал в плавни. Там, на мелководье, изрядно потрудившаяся «Марь Ивановна» наконец заглохла.

— Зачем сели? Что, завтра сюда было из Номы не прилететь? — разозлилась на обоих Людмила. — Где прикажете ночевать? В камышах?

Однако и Вася, и майор ругань ее не слушали: у первого из головы не выходил товарищ, у второго — драгоценная парашютная сумка.

— Бараны, — дала Люда характеристику обоим, сплюнула, вылезла, захватив с собой вещмешок, и побрела к близкому берегу.

О том, чтобы на ночлег разместиться в кабине, не могло быть и речи (особенно пострадал от затекания членов особист). Проведенные на брезенте часы запомнились Чиваркину на всю жизнь, ибо не оказалось ничего ужаснее клубящегося над здешними озерами гнуса, забивавшегося в рот и ноздри, и с людоедским удовольствием поедавшего всех троих заживо, не обращая внимания на то, что, вскочив посреди ночи и набрав засохшего топляка, робинзоны обложились кострами. В итоге все задыхались кашлем от едкого, не менее мучительного, чем укусы, дыма. Однако он помогал мало: мокрецы не успокаивались; эту злобную, почти невидимую мошку приходилось с себя чуть ли не соскабливать. Богдановна нещадно ругалась — удивительно, но ее энергии поливать и того, и другого умника отборной бранью хватило до утра, которого измучившийся телесно и душевно Вася ждал, как манны небесной.

Утром невыспавшийся майор шагал туда-сюда по берегу, схлопывая мошку с лица и шеи; цвет его нездорового лица стал еще более землистым — создавалось впечатление: из Крушицкого выпили всю кровь. Впрочем, кровососов становилось все меньше по мере того, как все чаще приходил на помощь мученикам ветерок.

Богдановна с полотенцем на плече побрела мимо «двух дураков» в камышовые заросли, скинула там комбинезон, присела голышом в воду раз-другой и, стоя к ним спиной, принялась растираться (Вася деликатно отвернулся, хотя на ее совершенно неаппетитные ягодицы, сморщенные, словно у мальчишки-подростка, и смотреть-то особо не хотелось). Затем, одевшись, расчесала гребенкой волосы, спрятала их под кепку и направилась к гидроплану.

— Летим? — нетерпеливо спросил Крушицкий.

— Подожди, — отмахнулась амазонка.

Она позвала Чиваркина.

Майор ходил по кромке берега еще минут пятнадцать, прислушиваясь к разговорам, но, о чем перебрасываются техник с пилотом, было не разобрать.

Наконец, что-то громко чихнуло. Затрещало знакомое «трын-трын-трын», наполнив сердце Крушицкого радостью. Восторг оказался недолгим — из-за камышей показался все тот же синий дымок, и «лодка» затихла.

Не выдержав, особист пошлепал к «Марь Ивановне», раздвигая камыши, щедро черпая воду голенищами сапог. Открывшаяся картина его насторожила: маленькая Богдановна со стороны хвоста и попирающий нос воздушного судна своими ботинками Чиваркин сосредоточенно разглядывали открытый мотор — на нижнем крыле гидроплана, подтверждая худшие опасения майора, были разложены инструменты.

— Ну, что? — зло спросил особист.

— Что-что? — откликнулась «трактористка».

— Заводи свою швейную машинку.

— Никуда мы не полетим, — спокойно сказала Богдановна. — По крайней мере, сейчас.

— Как не полетим?

— А вот так, — отвечала нахалка, — вздремни пока.

Майор чуть с ума не сошел от подобной вести.

— Мать-перемать! Я же сказал — заводи мотор.

— Ну, что вы, товарищ майор, все за пистолет хватаетесь, — с тоской воскликнул Чиваркин, отвлекаясь от распахнутого мотора, — сказано же, нельзя...

— Почему? — взревел озверевший от недосыпа особист.

— Да потому, что говорила я: возвращаемся на базу, — отрезала женщина. — И под руку теперь не лезь. Ступай к кострам — выпись как следует; надо будет — позовем.

Задохнувшийся Крушицкий не нашел что и ответить. Более того, настолько растерялся, что послушался. Спать особист не мог: когда на берег вернулся не менее злой и мокрый Чиваркин, они вместе с летчиком развернули карту. «Маша» приводнилась на южной стороне хребта примерно в тридцати километрах от замеченного купола. По закону подлости мелькнувшее перед их глазами пятно, бывшее, скорее всего, парашютом Демьянова, находилось на северном склоне возле пика «пятнадцать-шестнадцать». Направиться отсюда к месту предполагаемого приземления штурмана пешком они не могли: в случае такого похода необходимо было форсировать горную реку, обогнуть не менее пятнадцати крупных и мелких озер и, наконец, перемахнуть через сам хребет. Следовательно, без «Марь Ивановны» было не обойтись. Крушицкий даже нижнюю губу прикусил от досады. Чиваркин вычислил озерцо, пригодное для посадки, на расстоянии десяти километров по прямой до того самого склона. Делать нечего — оставалось ждать, и майор не нашел ничего лучшего, как вновь приступить к допросу.

— С Демьяновым давно вместе? — вытащил уже знакомый Васе «особистский» блокнот.

— Я уже говорил: с конца сорок второго, — хмуро ответил Чиваркин.

— Какой он?

— Как понять, какой?

— Ну, скажем... какой у него характер?

— Да нормальный у него характер, товарищ майор... Боевой, задорный. Да все там наши ребята нормальные! Вы же знаете — иных в дивизию не берут.

— Неужели?.. А вот у меня другие сведения, — усмехнулся майор, пролистывая страницы. — К примеру: старший лейтенант вашей же эскадрильи Лисицин Ф.Ф. имел связь с жительницей Фэрнбакса Глорией Нейзер; несколько раз вступал с ней в половые сношения. Идем дальше, — смочив слюной палец и внимательно на Чиваркина посмотрев, иезуит продолжил, — капитан Родченко. Какая эскадрилья? Ага. Опять ваша. Читаем: в пьяном состоянии за пределами базы вломился в квартиру некоего полковника Фриша. Отыскал там спиртные напитки. Выпил еще... Забыл свою куртку. Впоследствии все отрицал, говоря, что ошибся дверью.

Страницы продолжали шелестеть.

— Опять пьянка! — подняв брови, чуть ли не радостно воскликнул Крушицкий. — Техник Печёнкин, прикомандированный в Фэрбанкс из вашего же полка. Самоволка. Случка с женщиной. Драка с патрулем.

— Так это же отдельные случаи, — вяло прокомментировал Вася, ошеломленный осведомленностью согладатая.

— Ну да, отдельные, — согласился тот с явной издевкой. — Вы с Демьяновым лично с американцами в Фэрбанксе встречались?

— Встречались, — кивнул Чиваркин, — не встречаться невозможно. Они же там повсюду.

— И с кем встречались? — зудил вцепившийся в пилота словно клещ Крушицкий.

— А с кем только не встречались, — с трудом сдерживался летчик. — Техники, инженеры, прочий обслуживающий персонал... В клубе на танцах стенографисток тьма тьмущая, уборщиц навалом... Из города приходили рабочие. В столовой вместе с нами под сто человек питалось. Да вы что, сами не знаете? Вы что, в Номе их не видели?

— Отставить, — вскинулся Крушицкий. — И как Демьянов себя вел? Заводил разговоры? Критиковал власть?

— Нормально себя вел, — соврал Чиваркин. — Прекрасно себя вел! Вел себя, как и полагается всякому советскому человеку.

— Я, кажется, уже ознакомил тебя, капитан, с тем, как ведут себя советские люди, стоит им только оторваться от материнской сиськи нашей родной коммунистической партии, — не без желчи заметил Крушицкий. — Девочки. Пьянка. Прочие развлечения.

— Какие могут быть прочие?! — невольно удивился Вася.

— Разные могут быть. К примеру, передача государственных тайн.

— Да не такой Демьянов! — не совсем уверенно возразил Чиваркин, и эту его неуверенность майор тотчас же уловил. Но педалировать на нее не стал.

— Американцы на базе. Какие они?

— То есть?

— Ну, привычки, особенности...

— Люди как люди, — сказал Вася. — Только механические какие-то.

— Не понял.

— Механические, — на этот раз совершенно искренне ответил Чиваркин. — Улыбаются, конечно. Приветливы, но словно механика внутри. Что-то такое искусственное: а что — не разобрать...

— Не понимаю, — сказал Крушицкий.

— Я вот тоже не понимаю, — согласился Вася. И вздохнул. — Зубы у них, у всех, словно вставные. Скалятся, а зубы белые: чистый рафинад! Как на подбор. Это от хорошей пищи.

— У нас что, пища плохая? — ляпнул особист.

Вася посмотрел на него удивленно:

— Вы чью тушенку здесь употребляете, товарищ майор? А шоколад? А галеты? У нас в мешке только хлеб свой — да и то нормально спечь не могли. Сырой, разваливается... Студень... Могли бы хоть хлеб-то по-человечески сделать?! Так что спрячьте блокнотик. И не заводите вы меня. Ей-богу, не заводите. Дел, что, других мало?

Удивительно, но Крушицкий послушался, правда, зубами скрипнул: дескать, рано или поздно выведу я вас, голубчиков, на чистую воду — только Чиваркину было уже на это плевать: отвернулся он, рассматривая здешнюю глушь, дремоту которой развеивали разве что севшая с другой стороны озерца на воду лебединая стая да злобно гоняющие друг друга по кругу утки, — и задумался о превратностях судьбы. Дернул же его тогда нечистый на этот злосчастный вираж! Теперь заварилась каша — вовек не расхлебать...

Днем ветерок окончательно разогнал мошкарку, костер потрескивал, одежда сушилась. Вася с тревогой вертел в руках свой дешевый жестяной портсигар — оставалось всего десять «гильз». К облегчению летчика майор вытащил из галифе сигаретную пачку: между прочим, все тот же пресловутый «кэмел».

«Ему с таким здоровьем только и курить, — подумал Чиваркин, взглянув на особиста если не с жалостью, то с затаенным сочувствием, — как еще ноги носит».

Со стороны озерца, оттуда, где безмятежно покачивалась «Марь Ивановна», временами доносился сдавленный мат. Мужчины тоже тихо костерили матчасть гидроплана и ожидали «добро» техника. Оно, наконец, последовало, но пользы делу не принесло: во второй половине дня воцарилась хмурая облачность. А к вечеру небо и вовсе привело майора в отчаяние.

Еще одну ночь встречали во всеоружии: из трех ваг Чиваркин и майор соорудили подобие чума, обмотав ваги брезентом и плотно обложив их со всех сторон еловыми лапами. Одеялом занавесили вход: хоть какая-то преграда от наступающих мошек. Дотошливая предусмотрительность Богдановны во всем, что касалось быта, оказалась выше всяких похвал. Людмила наполнила озерной водой котелок, несколькими ловкими движениями ножа распахнула банку тушенки, достала откуда-то узелок с солью, луковицу, нарезала хлеба. Деловито приготовив на костерке похлебку, она поставила ужин перед мрачными спутниками.

— Лопайте, — разрешила великодушно.

— А кушать ладонями будем? — задумался Чиваркин.

— Эх, мужики, мужики, — вздохнула Богдановна, вытряхивая из своего волшебного мешка еще и заботливо припасенные оловянные ложки.

Легли тесно друг к другу — женщина с Васиного краю. Перед тем как заснуть, амазонка какое-то время ворочалась, оттесняя Чиваркина, который дипломатично молчал, в свою очередь сталкивая с еловой подстилки безутешного особиста. Дама захрапела первой. Судя по спокойствию, с которым она прижалась к пилоту спиной, сама мысль о том, что со стороны мужчин могут быть какие-то поползновения, ей и в голову не приходила. Проникшие в «чум» мошки по-прежнему немилосердно жрали, но усталость взяла свое.

Проснулся Вася от сдавленного стога майора — распахнув одеяло, тот на четвереньках стоял у входа, с тоской, по-волчьи запрокинув голову.

По брезенту шуршало: шел проливной дождь.

Х

Днем раньше, именно в тот момент, когда Богдановна с Чиваркиным взялись приводить в чувство застрявшую в камышах фанерную развалюху, примерно в ста милях от приютившего «Машу» водоема на полосе сонной резервной базы Найт-Филд проснулись моторы надежного «груммана» — метеорологи наконец-то дали «добро».

Трехлопастные винты новенького красавца издавали успокаивающе ровный гул; штурвалы отлично слушались; летуны понимали Бессела без слов — стоило только

тому чуть дотронуться до первого пилота, «грумман» тотчас сваливался на крыло и скользил к земле. После внимательного осмотра очередного склона лейтенант (карта лежала на его коленях) ставил крест на обследованной территории и вновь клал руку на плечо послушного Корта.

Небеса сияли; легкие облака, похожие на клочки ваты, не особо мешали поиску. Не раз и не два проплывали над трудягой «грумманом» звенья бомбардировщиков. Один из «А-20» неожиданно схулиганил (видно, скучно было на перегоне) — летчик снизился вровень с летающей лодкой: Бессел видел, как расплылось в улыбке лицо этого довольного собой идиота. Русский испытывал нервы Дэвиса Корта, чуть ли не касаясь крыла гидроплана крылом своего «бостона».

«Гуд лак», — процедил Бессел, дотронувшись до Корта в очередной раз, — и «грумман» плавно ушел от лихача.

Не прошло и трех часов с начала барражирования камуфляжной птицы над алсибской трассой, как первый пилот подскочил в кресле.

— Босс! — весело закричал Корт Бесселу, не вынимавшему все это время изо рта жевательную резинку. — Смотрите, босс...

Все всматривались вниз до рези в глазах.

— Да вот же, — показывал молодчина Дэвис, управляя скольжением машины.

— Не вижу, — первым признался врач.

Действительно, под «грумманом» какое-то время проплывали сплошные зеленые и серые квадраты, однако собаку съевшие на разведывательных полетах летчики знали свое дело:

— Левее, левее. Там, в распадке...

Бессел взял за бинокль: на фоне вскарабкавшихся на склон елей что-то действительно мелькнуло.

— Еще кружок, парни, — попросил лейтенант.

Путающиеся под ними и как нарочно стелющиеся под поплавки облака и на этот раз расступились, словно идя навстречу (сегодня они были удивительно галантны) — ничто теперь не мешало заложить второй круг. После третьего ни у кого сомнений не осталось.

— Хм, — пробормотал Корт, хорошо разглядевший находку. Он повернулся назад к Неторопливому Бесси:

— Вам не кажется это странным, лейтенант?

Бессел готов был с ним согласиться: то, что зафиксировали бинокли, никак не походило на раскрывшийся купол.

«Грумман» прошелся теперь уже на бредущем: коллективному взору экспедиции предстала поляна с расстеленным по земле белым прямоугольником. Единственное, что можно точно утверждать: он был из ткани, так как край заметно колыхался от ветра.

— Возможно, парашют. Возможно, палатка, — подвел итог не менее опытный, чем его напарник, Билл Редли. — Все возможно. Дэви, — попросил, — проскочим-ка еще разок. Посмотрим на признаки жизни.

Они проскочили. Несколько медведей, внезапно показавшихся в поле зрения наблюдателей, бросились врассыпную: в окружающем склоне кустарнике замелькали их спины.

Больше признаков жизни вокруг прямоугольника не наблюдалось.

— Что будем делать, лейтенант? — спрашивал доктор.

Бессел скрутил жвачку в шарик и выбросил ее из окна кабины. Затем аккуратно занес на карту координаты и подбодрил улыбкой на миллион долларов сопящего рядом эскулапа.

Он знал, «что»...

XI

Безотказный «грумман» сел на озеро милях в пяти от хребта. Около часа хватило на то, чтобы доставить на пестрый от мха и лишайника берег необходимые вещи и неспешно разбить палатки. Около десяти минут — на то, чтобы отогнать сунувшегося к продуктам любопытного и непуганого лося. Уговоры и крики великан понимать отказывался — более того, на отчаянную (и весьма небезопасную) попытку Ридли отрезать его при помощи камней от кормушки моментально откликнулся, нагнув башку и продемонстрировав впечатляющие рога, а затем перешел в наступление. Пока доктор и два летчика отсиживались в озере, Бессел сходил за оставшимся в кабине револьвером. Происшествие натолкнуло его на вполне понятное решение: лейтенант «предписал» Карту и Ридли постоянно иметь личное оружие при себе. Свой «Смит и Вессон» образца 1905 года, после того как сохатый был отогнан целой серией выстрелов, он любезно предоставил в распоряжение Триппа и на всякий случай зарядил карабин «тяжелыми» пулями.

— Животные ведут себя иногда совершенно по-дурачки, — сконфуженно оправдывался второй пилот. — Я родом из Южной Дакоты. Моя мать содержит ферму в Солт-прингс. Не только бык — коровы начинают с ума сходить ни с того, ни с сего. Такое вытворяют!

— Поверьте, Билл: люди иногда ведут себя не менее странно, — мягко заметил Бессел.

Когда подоспел на примусе кофе, а врач с пилотами расположились за столом на раскладных стульях, он принялся рассуждать, время от времени отпивая из кружки:

— Судя по всему, мы имеем дело с разрезанным куском ткани, разложенным по земле так, чтобы кусок увидели с воздуха. Предположим, перед нами именно парашют. Следовательно, тот, кого мы ищем, на момент приземления находился в относительном здравии и мог при помощи ножа или даже ножниц раскроить купол.

— Зачем ему понадобилось это делать? — поинтересовался едва пришедший в себя после злключения с лосем доктор.

— Не исключая: часть шелка пошла на палатку. Русский совершенно резонно предположил: может пройти довольно длительное время, прежде чем его разыщут.

— Допустим, — согласился Трипп. — Почему же тогда он не остался на месте?

— Летчики — нетерпеливый народ, — ответил Бессел. — Имея на руках карту, наш клиент мог спуститься к реке, чтобы выйти к ближайшему селению. Вторая причина — ранение: сил хватило только на то, чтобы раскроить и разложить часть парашюта. Возможно, он лежит без сознания. И, наконец, третья — самая печальная, джентльмены... Мы с вами видели — медведей там более чем достаточно. Так или иначе, ситуация вскоре проявится.

Бессел сделал последний глоток и сказал:

— А теперь — инструктаж.

Суть дела он изложил коротко: за гидропланом должен приглядывать Корт. К месту предполагаемого падения контрразведчик возьмет с собой дока и Ридли: в случае травмы летчика нужны дополнительные руки.

— Когда отправляемся? — уточнил второй пилот.

— Завтра.

Успокоив поднятой ладонью удивленного живчика Ридли, Бессел объяснил причину задержки: рельеф тяжелый, придется карабкаться по горам, необходимы страховочные веревки, ботинки, противомоскитные сетки, рюкзаки, ножи, материя для носилок и масса других вещей; все это нужно тщательно подогнать и примерить — вот почему сегодня они никуда не пойдут.

— Я вижу некоторую вашу обеспокоенность, — обратился он к доктору. — Поверьте моему опыту: как бы там ни было, мы не попадем на то место раньше, чем через сутки. Если русский ранен, или его атакуют гризли, или случилось еще что-то

непредсказуемое, остается только надеяться, что парень не очокурится до нашего прихода.

— В таком случае, перед тем как мы начнем собираться, пара глотков не помешает, — рассудил хирург, доставая флягу.

— Пара глотков, — предупредил лейтенант, отмахиваясь от предложенного доком угощения. Затем, с той особого вида улыбкой, которая присуща лишь двум категориям людей на всем белом свете — аристократам и профессиональным разведчикам, — обратился к неугомонному Биллу: — Ридли, я бы вам не советовал.

Мягкая просьба босса остановила протянутую к фляге руку пилота. И хотя исключительно вежливый Смит не улыбнулся точно таким же образом Дэвису Корту, тот, на всякий случай, тоже вынужден был отказаться.

Предусмотрительность Хиггинса затолкала в гидроплан и надувные матрацы: вот почему проведенная в палатках с противомоскитным пологом ночь оказалась для людей, которых согрели обильный ужин и спальники, вполне комфортной. Несмотря на вой слетевшихся к биваку, кажется, со всей округи, комаров, спасатели только похрапывали.

А вот утро оказалось нерадостным: с ветром, с мелким, сечкой, дождем. Впоследствии, когда Неторопливый Бесси и Хиггинс в помещении окружного ФБР в Лэдд-Филде остались один на один для разбора полетов, майор на все сто процентов согласился со своим подчиненным, решившим пересидеть непогоду. Логика Смита, человека здравомыслящего (и с этой логикой Хиггинс полностью солидаризовался), заключалась в следующем: если Советы все-таки и сумели организовать поиски своего пропавшего штурмана, искать его именно в тот день, когда туманы и морось загнали в норы даже таких непосед, как лисы, со всех точек зрения было совершенно бессмысленно.

XII

Американцы не знали, с кем имеют дело: в то злополучное утро Крушицкий, беспрестанно кашляя, посылая проклятия дождю, Аляске, Америке и, разумеется, Гитлеру, держался совершенно иного мнения. Осатаневший майор знал одно — во что бы то ни стало нужно добраться до парашютной сумки: долететь до нее, добрести, доползти, землю жрать — но *добраться*, а там пусть весь мир летит к чертовой матери. И плевать было майору на туман, на дождь, на горы, на разваливающуюся «этажерку», на собственную жизнь, а уж тем более на жизни неказистого капитана и этой взбалмошной дуры.

— Пять минут на сборы, — прохрипел особист.

Не подозревающий об истинной подоплеке приказа Вася подчинился. Что еще оставалось делать коммунисту Чиваркину, когда во взоре другого коммуниста бушевало безумие? Кроме того, не вылезал у летчика из головы бесшабашный Алёшка Демьянов: так больно было о нем думать, что стискивал Вася зубы, и не помогал здесь подленький шепоток, что, может быть, действительно Алёшка выпрыгнул сам. Нахождение ботинка в кабине стрелка вопило о том, что Васина вина несомненна.

Все мыслимые и немыслимые летные правила запрещали подниматься в условиях нулевой видимости, да еще с донельзя забрызганным ветровым стеклом — тем не менее чум был разобран; мокрый брезент свернут (кое-как Чиваркин запихал его в кабину), были брошены туда же вещмешки, котелок и топор. Шлепала по воде, таская пожитки, озлобленная Богдановна. Шлепал за нею Вася. Шлепал по плавням дождь. Бледный майор надрывался кашлем позади техника и пилота.

— Ну, и как мы выкрутимся? — шипела фурия летчику.

Вася только махнул рукой.

«Шаврушка» все-таки взлетела — правда, это еще ничего не значило. С трудом выведенный из анабиоза мотор полутораплана кашлял не хуже особиста, штурвал слушался со скрипом. На высоте километра небо сжалилось над ними (Ш-2 пробил

облачность), но шансов на то, чтобы благополучно опуститься на выбранное для посадки озеро, плавающее где-то внизу в серо-лиловом студне тумана, оставалось предельно мало. Однако Чиваркин, всей своей дубленой шкурой доверившись опыту и какому-то шестому чувству, все-таки повел гидроплан в направлении цепи аляскинских гор — в случае благополучного приводнения до склона с предполагаемым парашютом оставалось бы совсем ничего — а там... Впрочем, он даже не размышлял, что будет там...

Пик «пятнадцать-шестнадцать» неожиданно выскочил прямо по курсу: тонкий, блестящий, подобно штыку: ходящая вверх-вниз «Марь Ивановна» чуть было не нанизалась на него, словно бабочка на иголку. Снегом сверкнул хребет. То самое Васино чувство, то его наитие, та интуиция привели самолет к цели: теперь оставалось невозможное.

Перекрестившись, летчик выключил двигатель: «трын-трын-трын» — отозвалось сердце Ш-2, прощаясь с самоубийцами, винт над ними, стрекотнув пару раз, безвольно застыл, на мгновение воцарилась тишина, смертная и ледяная (даже майор перестал драть горло), а затем все громче запел обтекающий фюзеляж и крылья воздух.

— Садимся! — закричал Вася, начиная планирование.

— Бараны! — кричала отчаянно техник.

Несмотря на то что с водным «аэродромом» Чиваркин трагически промахнулся, сжалившийся над ними Господь перехватил инициативу у дамы с косой, посадив беспомощный гидроплан на низкий березовый лес. Нырнувшая в беспросветное желе тумана старушка задела брюхом одно из невидимых деревьев и подпрыгнула, когда неожиданно самортизировали его ветви. Затем все вокруг затрещало; листва билась в кабинные стекла. Подминая собой березняк, «Ивановна» поехала куда-то, словно санки с пологой горки и, окончательно запутавшись, застряла в кустарнике.

Озеро оказалось совсем близко: они не дотянули до него каких-то там десять метров. Проникший в разбитую кабину дождь моментально смыл пот с искаженных лиц. Чиваркин с Богдановной сидели молча: каждый ошупывал себя, ощущая наличие рук и ног и убеждаясь в отсутствии переломов и вывихов. Затем пилот и техник одновременно обернулись: особист Крушицкий, не обращая внимания на сочившуюся с ободранного лба кровь, уже разворачивал на коленях мокрую скользкую карту. В отличие от Чиваркина и не менее ошеломленной спасением амазонки безбожник отнесся к чуду как к данности. Вытащив компас, майор сверялся с направлением последующего рывка: задерживаться возле покалеченной «Марьи» он явно не собирался.

Крушицкий и выпрыгнул первым — на березовые ветви, на осоку — упал, вскочил, не обращая внимания на перемазанные глиной куртку и галифе. Затем этот тощий, безжалостный опричник сверил озерцо с картой.

— Кэрбиш, — определил название. — Если так, то отсюда до места километров восемь, не больше. Начинаем движение...

— Погодите, товарищ майор. Дайте хоть передохнуть чуток, — взмолился прыгнувший следом Чиваркин, удивляясь присутствию в тщедушном теле майора непонятно откуда берущейся силы: прямо как черти его все время куда-то тащили!

— Пять минут, — отрезал Крушицкий.

— Подготовиться надо, — не уступал Вася.

— Две луковицы. Две банки тушенки. Хлеб. Вот и вся подготовка.

Богдановна слезла сама, не обращая внимания на протянутую руку летчика. И смачно сплюнула, обходя застрявшую в ветвях, накренившуюся амфибию. Смотрелась «Марь Ивановна» печально — что, впрочем, было не удивительно. Правда, винт не погнулся. Машина настолько удачно прокатилась по мокрому березняку, что крылья тоже не пострадали. Однако фюзеляж биплана был нещадно измят, стенки кабины вдавлены, стекла разбиты. Поплавки представляли из себя еще более жалкое зрелище: вот почему во время первого, на глазок, осмотра техник не скупилась на выражения.

Затем совершившая ознакомительный круг, не менее упрямая, чем майор, женщина наотрез отказалась покидать самолет.

— Вытаскивать твою рухлядь я не намерен, — жестко сказал Крушицкий.

— Я от «Машки» никуда не уйду.

Кое-как амазонка вскарабкалась на крыло и принялась отвязывать притороченные ящики, не обращая на мужиков никакого внимания.

— Тогда жди помощи, — зло крикнул ей особист в спину. — Жратвы оставим. Вот ракетница. Спички. От зверья, в случае чего, отобьешься...

Богдановна даже не оглянулась.

— Время, — захрипел Крушицкий, поворачиваясь к Чиваркину: горение нездоровых глаз особиста легкой прогулки не обещало. — Давай, капитан, пошевеливайся...

Схватив свои вещмешки, в которых, кроме нехитрых харчей, поместились топор (лезвие его было замотано в тряпку), бинокли, ножи, пузырьки с йодом, бинты и выданные на базе лекарства, с компасом и с намокшей, разъезжающейся в руках майора картой потопали они, нещадно поливаемые дождем, в самую настоящую тайгу, в бурелом, то и дело стирая с лица пот и воду — один в кирзачах, другой в разваливающихся отечественных ботинках. Крушицкий хорошо держал направление — вот почему, продравшись сквозь цепляющийся за одежду, словно колючая проволока, ельник, они выбрались напрямик к отмеченному в карте каменному склону, более напомиавшему стену, и полезли на него без всякой на то подготовки, словно два суворовских егеря, матерясь, цепляясь за выступы, соскальзывая, даже не засматриваясь вниз. Они карабкались и карабкались: один — надеясь найти товарища, другой — парашютную сумку, дорожке которой не было сейчас ничего на свете.

XIII

Пережидающий непогоду в палатке Смит оправдывал свое прозвище. Дождь дал время на раздумья, и Неторопливый Бесси в полной мере этим воспользовался. То, что кусок ткани являлся парашютом штурмана, он уже почти не сомневался; а там, где лежился раскрытый купол, как правило, оставалась и сумка. В случае своего случайного кувырка из кабины (шанс, что летчик выпал случайно, Смит оценивал как один к тысяче, но профессионализм обязывал его учитывать даже самые экзотические варианты) русский вполне мог находиться поблизости от места приземления. Он мог оставаться там и в результате ранения. Если же штурман дезертировал (что наиболее вероятно) и не повредил себя при посадке, то он обязательно постарается выйти к ближайшему населенному пункту — в таком случае Бессел знал, где ждать перебежчика. Установившиеся над озером тучи, правда, несколько спутали планы, однако, судя по переменившемуся ветру, который погнал облака со все более возрастающей скоростью, Смит надеялся: они задержатся здесь ненадолго. Сам поход не обещал быть особо длительным — напрямую до склона можно было бы добраться и за три-четыре часа, однако Бессел принимал во внимание, что в случае тяжелого ранения русского его придется тащить к самолету — следовательно, силы должны быть сохранены: вот почему он избрал шадящий вариант, решив совершить подъем «змейкой», в обход особенно крутых скал.

Несмотря на досадную задержку, все начиналось вроде бы удачно: бывший нью-йоркский адвокат лежал на спальнике и, пока в другой палатке пилоты дымили сигаретами и шлепали игральными картами, разводя азартного эскулапа на последние доллары, без конца проигрывал варианты дальнейших действий. Он потрудился встать лишь тогда, когда, как ему показалось, над палатками что-то прострекотало. Бессел заглянул к парням — те, занятые покером, не слышали звука мотора, а Корт его успокоил:

— Вряд ли кто-нибудь рискнет бродить по небу в такую погоду!

Смит вернулся на место.

Время от времени заглядывал к нему неугомонный Ридли:

— Вроде дождь заканчивается! Может, отправимся?

Бессел в ответ поворачивался на другой бок.

— Босс! — не унимался тот.

— Вам не терпится переломать себе кости, Ридли?

Ветер здорово постарался: утром тумана и мороси как не бывало, и напившиеся горячего кофе янки были готовы к выходу. Трипп оказался отличным поваром, полностью оправдавшим присутствие на борту «груммана» вместительной сковороды — яичница с беконом от дока еще больше подняла настроение. Бессел выкурил сигарету. Затем, повесив на плечо надежный охотничий карабин, убойность которого гарантированно валила с лап самого тяжеловесного гризли, проверил каждого подчиненного, обойдя его спереди и сзади, подергав за рюкзак, убедившись в правильности прилегания накинута на шляпу противомоскитной сетки — она не должна соприкасаться с шеей — и не поленившись обратить внимание на шнуровку ботинок.

— Чаще смотреть под ноги. Ридли, вы — замыкающий.

XIV

Климат Аляски непредсказуем: летом в континентальной части дожди почти мгновенно сменяются зноем — вот почему, в отличие от запыхавшегося доктора и несколько скисшего Ридли, Смита, хорошо знавшего эту особенность, нисколько не удивила нахлынувшая жара, которая внесла свои коррективы. Несмотря на то что собаку съевший на спортивных соревнованиях Бессел рекомендовал спутникам во время подъема ограничиться полосканием рта, Трипп и второй пилот не выдержали: в итоге тот и другой обливались потом. Первым взмолился эскулап, и Смит вынужден был объявить привал. За выбором места дела не стало. Ручей, вдоль которого они пробирались, с трудом нащупывал себе путь между камнями и поваленными деревьями, образуя запруды: мелкое песчаное дно одной такой заводи служило эталоном прозрачности — на покачивающихся водорослях просматривались даже самые маленькие пузырьки.

Фляги были тотчас наполнены; танталова жажда Ридли и Триппа ненадолго утолена; разогнавшее мошкарку солнце пробивало даже ветви орешника, послужившего доктору недолгим укрытием. С невольным стоном он вытянул ноги.

— Не расслабляйтесь, Джон, — предупредил его сделавший несколько выверенных глотков лейтенант, — нам еще топать и топать.

Доктор только махнул рукой в ответ.

Внимание Бессела привлекли две мухоловки. Крошечные птицы, выпорхнув откуда-то из ольховых кустей, не обращая внимания на людей, затеяли поединок, трепыхаясь над заводью и наскакивая друг на друга. В конце концов одна прогнала другую и, победно крича, полетела следом.

— И эти что-то не поделили! — со вздохом прокомментировал свару второй пилот. — Что уж говорить о нас с япошатами!

— Дерутся все, — подтвердил Смит. — А выигрывает чаще всего тот, кто знает истину.

— Что есть истина? — вспомнил Ридли слова Пилата.

— Вы только что ее узрели. Жизнь есть постоянная и неостановимая драка.

— И легко вам жить с такой истиной? — поинтересовался парень.

— Жить с истиной никогда не бывает легко, — ответил Смит.

Он засек время отдыха: пятнадцать минут, не больше. Он позволил себе присесть на валун. Дыхание эскулапа наконец-то восстановилось.

— Все в порядке, док?

— Дайте еще полчаса или застрелите меня, — отвечивал тот.

— Звучит не очень оптимистично.

— Зато честно. Ненавижу горы, — признался врач, — все время приходится карабкаться куда-то вверх. То ли дело равнина...

— Судя по всему, вы не особо стремитесь к жизненному успеху, — засмеялся Бессел.

— Вы угадали. Вершина моих мечтаний — главврач окружного госпиталя. Штат не важен.

— И только?

— Как говаривал Цицерон: каждому — свое. А теперь ответный хук: судя по всему, вы не собираетесь засиживаться на лейтенантской должности...

— Вершина моих мечтаний — более-менее сносное ранчо в Аризоне, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил Неторопливый Бесси. — Но боюсь, она недосыгаема, по крайней мере, в ближайшие тридцать-сорок лет...

Второй пилот с ребячьим интересом наблюдал за переливами подводного течения и неспешной жизнью водорослей. Внезапно он нагнулся и опустил руки в воду.

— Чем вы там заняты, Ридли? — поинтересовался Бессел.

— Камешками, босс, — с готовностью откликнулся тот, показывая лейтенанту и доку отшлифованный ручьем круглый блестящий голыш.

— Точь-в-точь наши политики. Не на чем взгляд остановить, — бормотал доктор. — На кого ни обрати внимание — скользкая галька. Вы так не считаете? — обернулся за поддержкой к начальнику.

— Я не особо интересуюсь политикой, — отвечал Бессел. — Меня притягивают совершенно иные вещи...

Ридли пристально разглядывал успокоившийся на стерильно прозрачном дне базальтовый осколок.

— Говорят, здесь повсюду золото, — вздохнул, выковыривая базальт из песка, сокрушенно его осматривая и вслед за галькой выкидывая в кусты. — Неплохо выудить хотя бы несколько самородков, хоть какая-то польза от путешествия...

— Вам не хватает жалованья, Ридли?

— Денег никому не хватает, босс, — резонно отвечал пилот, продолжая ковыряться в ручье, — даже Джону Дэвисону Рокфеллеру-младшему. А уж папаша хапнул так хапнул! Однако жалуется на нехватку: я читал об этом в газете. Сами знаете: сколько бы баксов ни хрустело в карманах — все равно мало...

Разумеется, он ничего не отыскал.

Часов через пять после размеренного восхождения на северную сторону хребта, когда они благополучно добрались до склона и очутились на долгожданной поляне, лейтенант не на шутку встревожился. Но обеспокоило Неторопливого Бесси не присутствие неподалеку все тех же медведей, лакомящихся у подножия склона корнями молодого папоротника, — зверей разогнал предупредительный выстрел, и не неожиданное отсутствие купола, который четко был виден тогда с самолета (о том, что полотно точно лежало здесь, свидетельствовали четыре камня, которыми оно было придавлено и которые остались на своих местах). Встревожило одну из самых перспективных ищек ФБР, обладающую, в отличие от многих других, не менее талантливых «тихих парней», той уникальной, особого свойства, интуицией, которая чует опасность задолго до того, как нож воткнется в спину, нечто иное...

Смит бродил по месту приземления русского, поднимая и растирая в руке сорванный с одного из стволов мох, разглядывая сломанные сучья на молоденькой сосне (штурман явно прокатился по ее боку), пряча в кармане найденный брезентовый лоскут. Ничего вроде бы не случилось: налетал ветерок, потрескивали стволы, в воздухе плавал запах сосны, птицы перепархивали с дерева на дерево — но в Бесселе, сбивая и смущая его самого, по-прежнему горела и все никак не желала погаснуть красная лампочка под надписью «осторожно».

— Что-то не так? — спросил Ридли босса, задумчиво рассматривающего подобранную возле одного из камней карманную пуговицу с красноармейской звездочкой.

— Все в порядке, Билл. Все в полном порядке.

Не оказалось ни сумки, ни строп, ни вообще каких-либо следов пребывания

штурмана, кроме лоскута и этой вот маленькой пуговицы. Выкурив еще одну сигарету, Смит счел нужным ознакомить спутников с частью своих размышлений.

— Судя по всему, клиент находится в полном здравии, — сказал Бессел, присаживаясь под деревом и приглашая дока и второго пилота к себе. — Дождаться нас он не стал. Дальнейшие действия парня вполне предсказуемы — летчик спустился к реке и отправился вдоль берега вниз по течению. Ближайшее селение Майткон находится отсюда в сорока милях. При благоприятных условиях — а ему придется огибать два больших озера — не больше пяти дней пути. Следовательно, джентльмены, нам ничего не остается, как переместиться в Майткон. Само собой, патрульные облеты не помешают. Вот и все, — Бессел аккуратно сложил карту и засунул ее в одно из многочисленных отделений своего рюкзака. — Мы возвращаемся к самолету и пролетим над Тэш. Возможно, русского удастся обнаружить по ходу.

Все, вроде, теперь было ясно: если штурман готовился к побегу, он наверняка имеет с собой карту и оружие. Оставалось разгадать загадку с куском парашюта. Для чего беглецу понадобилось раскрыть купол, развернуть кусок шелка, а затем его убрать? Ладно, решил Бессел, все выяснится, когда русский выйдет к Майткону. В том, что он рано или поздно окажется там, если ранее не будет обнаружен «грумманом» с воздуха, лейтенант был уверен.

Смит попросил Ридли и Триппа самым внимательным образом прочесать окрестности склона.

— Наша задача — по возможности найти кусок парашюта. Часть купола вполне может быть заброшена ветками или просто свернута и оставлена поблизости. Доктор, сделайте полукруг чуть пониже. Вы, Ридли, обойдите склон посерединке — между мной и доком. Я еще раз здесь все осмотрю.

Крик углубившегося в ельник Ридли подтвердил: интуиция, шепнувшая Бесселу о некой опасности, имела на то весомые основания. Не успел Ридли позвать еще раз, Бессел уже оказался возле него. Сзади шумно дышал, с треском и руганью продираясь сквозь подлесок, доктор.

Перед тремя американцами раскинулась небольшая, вырубленная в ельнике квадратная делянка: посередине возвышался срубленный из сосны помост с деревянным коробом. Крышка короба была отодвинута — Бессел разглядел свесившуюся из него медвежью шкуру. Еще одна шкура валялась на земле. На четыре жерди по сторонам помоста были насажены медвежьи черепа: пустые глазницы придавали им зловещий, даже какой-то живой вид. Но явно не это испугало пилота.

— Мертвец, босс! — указывал Ридли на темный куль за помостом.

Человек был разорван и обезглавлен. Над двумя кусками мяса — все, что осталось от рук — роились мухи. Невдалеке от туловища оскалилась наполовину обглоданная человеческая голова: скальп содран, ветер развеивает на нем пряди волос.

— Черт подери, босс, — отворачивался пилот от невыносимого зрелища, в то время как Смит с Триппом внимательно осматривали находку.

Что можно было сказать совершенно точно — это был не русский штурман. На покойнике оказалась куртка с капюшоном: такие куртки носят на Аляске рыбаки и охотники. Штаны из плотной ткани заправлены в сапоги. С помощью дока Бессел перевернул тело, на шее которого уже копошились опарыши, и внимательно осмотрел. Затем снял с шеи убитого кожаную нитку с крестиком. И поднялся с корточек. Под ногами ошеломленного Ридли хрустнул патронташ: как выяснилось, совершенно пустой.

— Поищите ружье, Ридли, — попросил его Смит.

Пилот послушно выполнил просьбу — впрочем, ничего не обнаружил и вынужден был развести руками.

— Что это значит? — спрашивал Трипп, показывая на помост с кольями.

— Мне не до лекции по этнографии, — ответил Бессел, — тем не менее постараюсь вас просветить. Видите ли, человеческое суеверие — довольно прилипчивая штука. Алеуты — христиане, но кое-что осталось и от прежних поверий. Судя по всему,

местные аборигены имеют обыкновение поклоняться медвежьим черепам, более того, делать им кое-какие подношения... Я имею ввиду шкуры.

— Почему вы думаете, что это именно алеуты?

— Крест не католический, — сказал Бессел, еще раз осматривая нитку.

— Вы католик? — спросил доктор.

— Нет, протестант. А вот алеуты исповедуют православие.

— И откуда они взялись? — недоумевал док. — Насколько мне известно, долина Тэш и все, что к ней прилегает, — земли атапасков.

— О, это особая история, — отвечал лейтенант.

— Бога ради, босс, можно мне подождать вас там, на поляне? — взмолился Ридли, перебивая его. — Запах невыносим!

— Идите, Ридли! Мне продолжать?

— Пожалуй, не стоит, лейтенант, — ответил доктор. — Здесь действительно скверно пахнет.

— И тем не менее мы все же ненадолго задержимся. На ваш взгляд, сколько прошло времени с тех пор, как данный мистер превратился в мертвеца?

— Я не такой уж большой специалист по покойникам, но судя по виду, два дня — не более.

— Он здорово пропах, — не согласился Бессел.

— Приплюсуйте сюда дневную жару.

— Два дня, — пробормотал Смит задумчиво. По-прежнему не обращая внимания на мух и запахи, он разглядывал тело. Грудь покойника была залита кровью, которая спеклась на куртке огромным пятном.

— Странная происходит катавасия, лейтенант, — признался доктор, зажимая нос. — Что-то тут не так. Кажется, вы засунули в мой рюкзак еще и саперную лопатку. Думаю, стоит отдать этому бедолаге последний долг...

— Нет смысла его хоронить, — спокойно сказал Бессел. — Гриззли доберутся до этого места, как только мы покинем его.

Молча они поднялись на поляну.

— Ридли! — позвал Смит, оглядевшись.

— Ридли! — закричал он, когда прошло уже пять минут. — Где вы там прячетесь?

Склон жил своей жизнью: совсем недалеко от них трещало от дробы дятла сухое дерево, гулял ветер, поскрипывали стволы...

Неторопливого Бесси и явно не находящегося в хорошем настроении доктора ожидал еще один сюрприз — второй пилот Билл Ридли словно в воздухе растворился.

XV

Неудивительно, что янки не нашли парашют — днем ранее до места приземления штурмана добрались два измученных «суворовца»: собачье чутье майора вывело их прямо на купол. Но радость Крушицкого тут же и померкла. Придавленный камнями неровно раскроенный кусок шелка да моток обрезанных строп — вот и все, что удалось обнаружить. Самым тщательным образом исследовав поляну, проползав ее чуть ли не на коленях и выяснив, что от сумки не осталось и следа, майор погрузился в думы. Итак, Демьянов был жив, и судя по тяжелым бульжникам, которые он положил на материю, еще как жив — но не остался ждать помощи! То, что штурман сбежал, — в этом у особиста не было уже никакого сомнения. Тщательно продумавший свой побег Демьянов двигается сейчас в покрытой камышами долине вдоль реки Тэш, которая, пробивая собой два озера, в конце концов должна вывести десертира к Майткону, селению на трех Северных озерах. Крушицкий настолько уверился в том, что имеет дело с предателем, что даже не стал задумываться, для чего сбежавшим подлецом был оставлен парашютный кусок.

Распроклятый ливень и не думал прекращаться. Следопыты прислонились к стволу ели, лапы которой хоть как-то защищали от льющейся с небес воды.

Вася поглядывал на представителя «органов» с плохо скрываемым пессимизмом: судя по виду последнего, дело приобретало совсем скверный оборот. Глаза Крушицкого впали, и без того тонкие губы превратились в посиневшие нитки. Временами он жадно хватал ртом воздух, словно старался насытиться, — плохой знак! Куртка и гимнастерка особиста порвались — результат постоянного прижимания к камням при штурме двух почти отвесных склонов. Впрочем, комбинезон Чиваркина выглядел немногим лучше. Что касается обуви, майорские кирзачи еще как-то выдержали марш-бросок (хотя, судя по всему, песенка их была спета), но на свои ботинки Чиваркин даже боялся смотреть.

Отдыхали недолго. Хлеб в вещмешках сделался сырой массой: съесть эту липкую кашу их заставил лишь голод. Затем Крушицкий решил избавиться от куса парашюта. Где особист зарыл его, летчик не интересовался: он дремал, откинув на ствол голову, не обращая внимания на склеившую волосы смолу.

— Слушай сюда, капитан, — прохрипел Крушицкий, вернувшись, — слушай меня внимательно... Мы должны нагнать твоего дружка. Обязаны, понял? А теперь посмотри...

И сунул под нос Васе расплывшуюся мокрую карту:

— Демьянов рванул к берегу, больше ему с этого склона деться некуда. У нас с тобой остался шанс. Сделаем плот. Сплывимся вниз, перехватим штурмана у Майткона.

— Не пойдет он к реке, — устало ответил Чиваркин. — Он на хребет полезет, на самую верхотуру, чтобы перевалить на южный склон, а оттуда спуститься к Хэви-Литтл.

— Почему? — вскинулся особист.

— Да потому, что дурак, — с тоской произнес Вася.

— Дурак не дурак, а сообразил сбежать. Сделаем, как я сказал, — зло ответил майор. — И точка.

И вот здесь что-то произошло совсем рядом с ними, а вот что — никто из них не понял. Оба насторожились — и было отчего вскинуть головы! Лес — штука странная: вроде бы все в порядке, царит в пространстве природная невозмутимость (набегающий ветер не в счет), но вот только вдруг что-то хрустнет, шелкнет, затрещит и словно вздохнет, прошуршав по хвое и мху, — и любой человек, услышавший странный звук, мгновенно оглядывается. Всякое начинает казаться даже самому отъявленному атеисту, невольно вздрагивает он, высматривая в массе стволов и ветвей источник тревоги, напрягается в поисках зверя или, хуже того, какой-нибудь потусторонней нечисти. И после долго в любом скрипе и шорохе мерещится ему чертовщина.

— Чуешь? — вскинулся Крушицкий.

— Чую, — мрачно ответил летчик.

— Что чуешь?

— Прошел кто-то. Близко прошел. Совсем рядом прошел...

— погоди! — майор превратился в слух. Затем подался в направлении прозвучавшего только что непонятного и зловещего шороха, согнув в локте руку с ТТ, ступая пружинисто и бесшумно. И вот здесь-то, несмотря на внешнее тщедушие и на явную болезнь, походкой, решимостью, крайней сосредоточенностью и, наконец, напряжением мышц вольно-невольно показал особист Васе свое истинное лицо: вне сомнения, был спутник капитана Чиваркина опытным, опасным профессионалом, которому шлепнуть противника, как два пальца описать. Холодок навестил Васину спину; могильный такой холодок, однако не успел Чиваркин поежиться — Крушицкий растворился за мокрыми соснами.

По-прежнему отовсюду с еловых лап капала вода, вновь набежал притихший было ветер, вновь заскрипели стволы, но прежняя Васина апатия улетучилась: к усталости прибавилась удушающая тоска. Тревожно ему стало. Можно сказать, вовсе нехорошо.

Вернулся Крушицкий так же внезапно.

— Что там? — обеспокоился летчик.

— Вроде ходит кто-то, — сообщил тот неохотно.

— Зверь?

Майор промолчал.

— Человек?

Молчание.

— Кто-то же должен ходить, — воскликнул летчик.

— А, кто бы там ни был! — прохрипел Крушицкий. — У него свои дела. У нас — свои. Давай, поднимайся...

Шатаясь, скользя, падая, последовал несчастный Чиваркин вслед за превратившимся в сгусток энергии особистом (иногда и того от усталости бросало то на одно, то на другое дерево) к реке Тэш — шумной, темной, пенистой, всей своей силой устремляющейся к озерам Большому и Малому Котэнам, а от них — к единственному по эту сторону хребта селению. Утопав на берегу осоку, не дав ни себе, ни Чиваркину отдыха, Крушицкий вытащил из рюкзака топор, затем, расстегнув и отбросив куртку и ремень с кобурой, потный, облепленный мошкой, не замечающий ни ее укусов, ни озлобленности напарника, принялся за лихорадочную рубку молоденьких сосен, внушая своим иступленным рвением уже какой-то мистический страх. Необходимость во что бы то ни стало остановить беглеца и довести до конца дело, за которым стояла работа сотен слуг государевых, подтолкнула этого, вне всякого сомнения, большого человека, всю свою жизнь положившего на служение пролетарскому царству, к настоящему катарсису: от ярости он себя не помнил!

— Что стоишь, мать твою? Связывай! — заорал, обращая к летчику даже не лицо — оскаленную серую маску.

И Чиваркин, не менее облепленный мошками, готовый выть от боли, которую вызывало своими укусами это дикое и бесчисленное воинство, принялся разрезать ножом захваченные майором стропы и связывать подтаскиваемые стволы.

Сумасшедшая рубка продолжалась до вечера; сосенки одна за другой с прощальным треском падали на кустарник — майор еще имел силы подталкивать их сапогом. Чиваркин складывал «материал», затем, тихо матерясь, обвязывал, вспоминая о морских узлах и отхватывая ножом от мотка новые и новые куски. Близкая Кэш шумела и рвалась куда-то за поворот: время от времени проплывали по ней мимо двух оборванцев ветви, палки, поднятый течением топляк. Дождь ходил по реке волнами, пар не рассеивался. Нависали над Тэшем едва видимые в тумане близкие горы...

— Все, капитан, толкай, — приказал Крушицкий, оказавшись на скользких бревнах кое-как сработанного плота и бросая рядом с собой две длинные ваги. Вещмешок и топор уже лежали в его ногах.

Чиваркин толкнул — метра два-три отделяло его, все еще стоящего на берегу, от неуклюжей калитки.

— Что стоишь? — крикнул преследователь неподвижно застывшему Чиваркину. — Оглох?

— Ты же его шлепнуть хочешь, — сказал Чиваркин, от усталости и безнадёги впадая в неожиданное для него самого бешенство, — я же вижу.

— Врать не буду, — согласился тот. — Шлепну, как последнюю тварь. Я и тебя, капитан, в случае чего шлепну. Так что не дергайся. Лезь.

— Не полезу, — сказал Чиваркин.

Плот заметно сносило: река уже взяла судьбу калитки в свои руки и все более уверенно и властно толкала ее.

— Лезь! — приказал майор.

— Не виноват Демьянов! — яростно закричал в ответ Вася. — Не виноват он! Из-за меня вылетел...

— Будешь залезать?

— Нет.

Плот неумолимо влекло на быстрину Тэш.

— Поставить бы и тебя к дереву, да пули жалко, — крикнул непримиримый Крушицкий. — Черт с тобой. Подыхай здесь.

К удивлению взбунтовавшегося Чиваркина майор не схватился за свой ТТ. Нет, он схватил вещмешок, зубами рванул завязку, засунул в горловину руку. Что-то полетело теперь уже чуть ли не с середины Тэша в сторону бледного Васи. Плот понесло по реке. Особист повернулся спиной к Чиваркину, словно отрезая его от себя, и больше не оборачивался. Когда хлипкое сооружение с Крушицким наконец-то скрылось за поворотом, оставшийся в одиночестве летчик бросил взгляд себе под ноги — брошенное майором «что-то» оказалось банкой тушенки.

XVI

Майткон встретил Бессела Смита собачьим лаем, более походившим на вой, что оптимизма лейтенанту не прибавило. Вновь моросило. Над хребтами клубились тучи. Поселок прозябал в тени большой горы: два десятка домишек, деревянная церквушка поодаль, которую окружило смиренное кладбище, несколько моторных лодок на берегу Тэш, ряды пахнущих тиной и гниющей рыбой сетей (запах долетал даже до середины единственной улицы) — вот, пожалуй, и все, что видел любой, кого ненароком заносило в тот Богом забытый край. Да, был еще полицейский участок — в рубленной избе, судя по темным бревнам, древней и настолько низкой, что, входя в нее, приходилось пригибать голову: Трипп со Смитом еще убереглись, а вот вконец расстроенный Корт треснулся о притолоку — настолько сильно, что потребовалось вмешательство дока.

Несмотря на низкие окна участка, церковь из них была хорошо видна, равно как и могильные кресты, среди которых попадались и каменные. Ребята из Гарвардского географического общества, прочитавшие для сотрудников контрразведки курс лекций по истории края, в котором офицерам надлежало служить, недаром ели свой хлеб: так, благодаря их добросовестности Бессел узнал — еще в девятнадцатом веке нужда в людях заставила купцов Российско-американской компании переправить часть жителей побережья и островов во внутреннюю часть материка. Для каких целей алеуты и креолы — плоды греха туземных женщин и российских первопроходцев — оказались на Тэш, неизвестно (скорее всего, московским колонизаторам, не менее ушлым, чем их коллеги из Британии и США, требовалась рабочая сила), но именно так в землях, принадлежащих атапаскам, появился Васильевск (или, позднее, Майткон). Много воды утекло с тех пор; все смешалось: племена, одежда, обычаи — однако кое-что оставалось неизблемым, в том числе алеутское поселение в самом центре Аляски, в котором наряду с потомками алеутов и креолов проживало некоторое количество атапасков и эскимосов, и недоверчивость обитателей Майткона к подобным Смиуту пришельцам. Не обошло Майткон и золотое помешательство — Тэш оказалась еще одной жилой, чуть менее плодоносной, чем конкурирующая Клондайк, а значит на недолгое время поселок стал местом проживания для хлынувших сюда со всех сторон бедолаг, имущество которых часто состояло из самодельных сит и лопат. Найденный в 1898 году возле Майткона одним таким бродягой внушительный самородок вызвал приступ повального сумасшествия, в результате чего случилась в тех местах история, о которой Бессел вспомнил лишь позднее, разбирая «полет» вместе с Хиггинсом в кабинете базы Лэдд-Филд.

В тот же злополучный день ему было не до воспоминаний. Местный коп Фрэнк Данилов, коренастый задумчивый старожил, слушая Неторопливого Бессе, немилосердно дымил трубкой: его нисколько не интересовало плохо скрываемое возмущение доктора, задыхавшегося от вонючего дыма. Всем — и клетчатой рубашкой, и заправленными в сапоги брюками, и широкополой войлочной шляпой, которую, войдя следом за гостями, Данилов бросил на дощатый стол, — он походил на своих соплеменников, встретивших «грумман» на берегу и попавшихся им в селении: выглядел хозяин здешней тайги обыкновенным местным охотником.

Заглянувшему в избу аборигену-помощнику полисмен что-то тихо сказал: тот послушно кивнул и скрылся.

— Еще раз покажите, где вы потеряли своего пилота? — попросил алеут, окутывая стол, на котором была развернута карта, дымными клубами. Бессел, разгоняя рукой проклятый дым, показал.

— Мы обошли всю округу. Спустились к Тэш. Прочесали ельник. Не осталось никаких следов. Ровным счетом ничего.

— А советский летчик? — поинтересовался Данилов.

— Он будет здесь дня через два-три, — сказал Бессел.

— Вы в этом уверены?

— Да. Русский соорудил себе плот.

— С чего вы взяли?

— Вырубленный внизу сосняк. Я нашел обрывки строп. Мы обнаружили бы его на реке, когда летели сюда, но помешала облачность.

— Значит, тело там, на делянке, обезглавлено? — продолжал спрашивать представитель закона. — Руки оторваны?

— Да, — Бессел был само спокойствие.

Помощник Данилова — худенький, щупленький — внес в избу медную бочку с краником. Парень держал ее за специальные ручки. Поставив странный предмет на стол, алеут бросился вон и вскоре вернулся с подносом, на котором позвякивали жестяные кружки, фарфоровый заварочный чайник и чашка с кусками сахара.

— Самовар, — не поднимая от карты головы сказал Данилов.

Доктор удивленно поднял брови.

— Чай, — пояснил полисмен. — Думаю, чай не помешает.

— Я предпочел бы виски, — пробурчал себе под нос док.

— Есть водка местного приготовления.

— Увольте от этой бурды. Кстати, что значит «самовар»? — повернулся Трипп к Неторопливому Бесси. Босс только пожал плечами. Данилов кивнул помощнику — тот ловко и быстро одну за другой подставлял кружки под отвернутый краник бочки, наполняя их кипятком. Все последовали примеру хозяина, с удовольствием сделавшему несколько глотков. Впрочем, ни Смит, ни доктор, ни безутешный Корт, самым нелепым образом потерявший друга, блаженство копа не разделили. Кирпичного цвета, густой, пахнувший дегтем чай отличался поистине лютой крепостью. Облегчением для гостей было хотя бы то, что хозяин, взяв кружку, на время позабыл о своей трубке, не преминув ошастливить вытряхнутым из нее пеплом цветочный горшок на подоконнике.

— Мы потеряли целый день, мистер Данилов, — вежливо сказал Смит.

— Зовите меня Фрэнк, — откликнулся тот.

— Хорошо, Фрэнк. Так вот: целый день мы потратили на поиски своего человека. Он как в воду канул. Испарился — ни крика, ни следов борьбы...

— Что вы предлагаете? — спросил алеут, шумно прихлебывая из кружки. Чертов нацмен был явно не из тех, кто озабочен правилами этикета, — хотя, чего еще можно ожидать в этой глуши.

— Что предложите вы, Фрэнк? — четко и тихо отозвался Бессел.

— А что мне вам предложить?

— Вы должны собрать людей. Я видел моторные лодки на берегу. Вы должны организовать поиски. Это ваша прямая обязанность. Заодно, поднимаясь по Тэшу, мы решим еще одну задачу, ради которой, собственно, здесь и оказались.

— Хм, — откликнулся на это полицейский Данилов. — Хм... Оторваны голова и руки?

— Я уже говорил об этом, — заметил Смит.

— Я соберу людей, — после некоторого раздумья кивнул алеут, — но соберу их в участке.

— Зачем терять время? Попросите их собраться на берегу!

— Нужно выяснить кое-какие обстоятельства, — ответил алеут. — Так значит, руки и голова?

Он без конца спрашивал об одном и том же. Смит уловил некую тенденцию в заинтересованности полицейского обезглавленным мертвецом. Судя по нательному кресту, покойный был местным жителем, и полицейский имел право задавать уточняющие вопросы, но Бессела волновало сейчас совсем другое. Смит вытащил из кармана куртки снятую с покойника кожаную нитку с крестиком, положил ее на стол и продолжил:

— В данный момент меня не интересуют останки того бедолаги, Фрэнк. В данный момент я крайне, подчеркиваю, крайне заинтересован обстоятельствами исчезновения Билла Ридли, своего второго пилота, и ...

— И все-таки, лейтенант, прислушайтесь к моему совету. Я соберу людей здесь, — алеут дал знак помощнику. Затем, схватив шляпу, вышел вслед за ним.

Док подавленно барабанил пальцами по краю стола. Бессел нащупал в нагрудном кармане последнюю мятную пластину и медленно разворачивал обертку.

— У них нет электричества, — сказал Корт, поднимая глаза на потолок, — вы умеете обращаться с керосиновой лампой, босс?

— Надеюсь, ночь мы встретим на реке, — ответил ему контрразведчик.

— Откуда такая странная фамилия? — в свою очередь спросил Трипп Неторопливого Бесси.

— Вы имеете в виду местного Пинкертон? Некоторые алеуты носят русские фамилии и имена. Странно, что вы этого не знаете.

— Да нет. Знаю, конечно, — пробормотал тот, — а они забавные.

— Кто?

— Они. Я имею в виду русских, — сказал доктор. — Я видел их в Анкоридже. Они немного ненормальные. Совсем немного. Видно, им хорошо промыли мозги... А вам они не кажутся забавными, лейтенант?

— Забавными? — переспросил доктора Смит — Нет, мне они не кажутся забавными. Совершенно не кажутся.

Бессел пожевал еще немного резинку, глядя в окно на растворяемые липким мелким дождем жилища аборигенов.

— Они какие угодно, но только не забавные, док, — добавил он. — И, боюсь, мы с ними еще наплачемся...

Интуиция Смита сработала и на этот раз — худшие его предположения оправдались. Через полчаса в избу набилось, как показалось Бесселу, все взрослое мужское население поселка. Местные, не стовариваясь, закусили мундштуки своих трубок, намереваясь чуть ли не одновременно зажечь их. Поняв, что дело принимает скверный оборот, доктор умоляюще оглянулся на полицейского. Фрэнк сказал что-то на алеутском своим соотечественникам, и те со вздохами спрятали трубки в карманы рубашек и штанов. Бессел внимательно разглядывал рассеявшихся по принесенным стульям обитателей этой дыры. Лица собравшихся никак нельзя было назвать испитыми, скорее, их старила некая, присущая северным народам специфическая усталость от бытия в стране ледяных гор и безлюдных пространств, но, несомненно, и к бутылке они частенько прикладывались. Их руки, привыкшие к сетям и веслам, послушно лежали на коленях. В участке, как и там, на берегу, сразу запахло рыбой. За стенами избы изредка лаяли псы, прибежавшие следом за своими хозяевами. Покружив вокруг участка, собаки успокоились и лежали теперь возле окон серыми холмиками. Вновь послушавшись представителя власти, люди перестали перешептываться и обратили на Фрэнка самое пристальное внимание. Тот, опять-таки, к неудовольствию Смита, говорил с ними по-алеутски, изредка в его неторопливой речи Бессел улавливал и славянские слова: видно по всему, язык был хорошо знаком присутствующим индейцам, что уж говорить об эскимосах. Конечно, Данилову следовало бы все-таки употребить английский, однако контрразведчик не сделал полисмену замечания. Он наблюдал за лицами, полагая, что их выражение скажет ему

нечто большее, чем последующий перевод. Бессела ждало самое настоящее разочарование. Лица собравшихся ничего не выражали. Люди, несомненно, слышали каждое слово Фрэнка, но вместе с тем, как говорится, ушли в себя.

После того, как полицейский закончил, молчание собравшихся не посмели прервать ни доктор, ни раздраженный Корт, ни сам Смит. Несмотря на внешнее спокойствие аборигенов, в воздухе явно повисло что-то гнетущее: гости чувствовали поселившуюся здесь тревогу.

Наконец поднял руку сидящий позади всех бесцветный и, казалось, совершенно безучастный ко всему, что происходит вокруг, старик. Встав со своего места и встретившись взглядом с Бесселом, седой ветеран Аляски затем обратил внимание на Данилова и что-то негромко сказал ему.

— Его ответ — «нет»? — понял Смит, обернувшись к полицейскому.

— Он говорит, люди никуда не пойдут, — помедлив, ответил Фрэнк.

— Почему? — спросил лейтенант старика.

— Бансу, — сказал тот.

— Говорите по-английски, — попросил Смит.

— Бансу, — повторил старый алеут, доставая трубку. — Люди никуда не пойдут.

И чиркнул спичкой о коробок.

Следом за ним все полезли в карманы и, шумно вставая, зажигая трубки, один за другим принялись покидать участок, унося стулья с собой.

Собачий лай затихал вдали. Фрэнк, не менее невозмутимый, чем Бессел, подсел к столу и вновь попросил помощника приготовить «samovare». Когда полицейский ополовинил кружку невыносимого по крепости пойла, он все-таки дождался неизбежного вопроса.

— Что все это значит, Фрэнк? — спросил его сотрудник ФБР.

— Бансу, — сказал местный полицейский, — Бансу опять вернулся. Так что разговаривать с ними бесполезно.

— Кто такой бансу?

— Дух, — буднично ответил Фрэнк и, предупредительным жестом останавливая открывшего было рот доктора, продолжил: — Бансу вновь вернулся, лейтенант. Они никуда не пойдут. Один из них видел Бансу.

— Когда видел? — спросил Смит.

— Три дня назад.

— Где?

— Там, откуда вы только что прибыли.

— И где этот очевидец?

— За дверью, лейтенант. Я попросил его подождать — так, на всякий случай. Михаил, заходи! — крикнул полицейский.

Смуглый мальчик в традиционных для тех мест рубахе, штанах и сапогах, волосы которого были стянуты в пучок на затылке, действительно топтался за дверью — и появился мгновенно. От парня, впрочем как и от всех здешних, несло рыбой — отшатнувшийся Корт не сдержался и зажал себе нос.

— Здесь, — ткнул Михаил в карту. Бессел почувствовал напряжение свидетеля, хотя, обводя указательным пальцем квадрат, в котором как в воду совершенно неожиданно для доктора и Смита канул Ридли, алеут старался не выказывать страха:

— Он был здесь.

— Кто?

— Бансу, — сказал Михаил.

— Опишите его, — беспристрастно попросил Смит.

Михаил оглянулся на Данилова. Тот перешел на алеутский. Очевидец кивнул и объяснил:

— Это медведь с человеческой головой. Большой мохнатый медведь. Он отрывает у людей головы и руки и поедает их. Он убил Топака. Топак хотел убить его, но

промахнулся. Зря стрелял! Бансу нельзя убить. Я бежал к лодке. Я сел в лодку и завел мотор. Я не оглядывался. Нельзя оглядываться.

— Час от часу не легче, — простонал доктор.

— Там, где ходит Бансу, пропадают люди. Вот почему, когда он появляется, мы не охотимся, — сказал Михаил.

— И часто он появляется? — спрашивал Бессел теперь уже Фрэнка.

— Последний раз был в тех местах лет тридцать назад, — совершенно серьезно ответил тот. — Бансу спускается с неба. Он не уйдет, пока не насытится. Там, где он побывал раньше, мы обычно строим кирусу — маленький деревянный домик на столбах с плоской крышей, туда помещаем пару-другую хорошо выделанных медвежьих шкур. Когда шкуры сгнивают — заменяем их.

— Зачем?

— Предки так делали, лейтенант, — сказал Фрэнк.

— И помогало?

— Судя по тому, что его давно здесь не было, — да, — сказал Фрэнк.

— Черт подери, вы же христиане, — не выдержал доктор.

— Никто не пойдет, — спокойно сказал Фрэнк, — бесполезно их уговаривать. Должно пройти какое-то время, прежде чем он уберется.

— И сколько ждать? — подал голос молчавший до этого Корт.

— Минимум неделю.

— Значит, люди с места не сдвинутся, — подытожил контрразведчик.

Полицейский кивнул утвердительно.

— А вы, Фрэнк? — в упор спросил его Бессел. — Вы?

Фрэнк посмотрел на него, как на маленького несмышленища, который не понимает того, что ему только что объяснили. И просто, ясно и спокойно, словно учитель, за которым в споре с учеником всегда остается последнее слово, ответил:

— Пойду ли я? Конечно же, нет.

XVII

А Вася Чиваркин шел.

И откуда только силы взялись?

Опыт у него, правда, все же был: доводилось Васе попадать в переpleты в Арктике. Что же, это был еще один переpleт — теперь в пустынной, продуваемой ветрами Аляске, с которой он из-за своего безалаберного и бесшабашного штурмана неожиданно схлестнулся «один на один».

После того, как унесла Тэш беспощадного Крушицкого, рухнул Вася на осок и глину и впал в забытие. От окончательного поедания мошкаркой Чиваркина спас сильный ливень: впрочем, ему было уже все равно. Очнувшись под утро, распухший, напитанный водой, словно губка, он вытащил из вещмешка оставшееся на «балансе» имущество: треть мокрой и склизкой буханки, компас, нож, завернутые в портянку и чудом сохранившиеся сухими носки, портсигар с промокшими папиросами. Вытаскивая одну за другой нехитрые вещи, неожиданно вспомнил Вася, как во все том же Фэрбанксе американский техник показывал им с Алёшкой свои фотокарточки: ничего, вроде, особенного; тощая жена американца, его дети — мальчик и девочка, какая-то болонка возле их ног. Только вот позировала семейка на фоне внушительного одноэтажного особняка. Словоохотливый трудяга, как мог, объяснил двум русским: это его *обычный* дом, к которому присоединен гараж для *обычного* американского «форда». Техник не преминул показать «симпатичным большевикам» и убранство нескольких комнат, которые он заснял с не меньшей тщательностью: перед взором Демьянова и Чиваркина предстали бесчисленные комоды, диваны, ковры, радиоприемники и расставленные повсюду фарфоровые собачки («хобби май уайф, феллоуз!»). «Май велф, — несколько раз то ли в шутку, то ли всерьез повторил затем

этот парень, аккуратно складывая свой мир в огромный кожаный бумажник и пряча его в кармане куртки. — Май литтл велф...»

Вспомнив о тех разноцветных фото, вдруг подумал Чиваркин, что все его, разложенное по двум полкам в казарменной тумбочке, «богатство», его, так сказать, «личный мир» — три пожелтевшие, словно от гепатита, фотографии, на которых запечатлен он пятнадцатилетним с отцом и матерью, а также свитер, кальсоны, запасная гимнастерка, книга «Как закалялась сталь» и кое-что еще по мелочи, вроде ниток и пуговиц, — легко уместится в лежащий сейчас перед ним вещмешок. Больше ничего из своего имущества Вася так и не смог припомнить, как ни напрягался. Даже худой избы, в которой он родился и вырос под Смоленском в деревеньке Броды, вполне возможно, уже не существовало в природе: был вариант, что беспощадно сожжена она прокатившейся в тех местах войной. Следовательно, осталось у коммуниста и капитана одно только казарменное койко-место, которое, стоит ему согнуться, тотчас займет другой такой же, как и он, «строитель справедливого общества». Но совершенно по этому поводу Вася не расстраивался: такое спартанство его устраивало. Впрочем, иной жизни он и не знал, вот почему и кредо было простым: все, что нужно человеку, должно умещаться в его вещмешке. И если суждено, скажем, Васе погибнуть и кто-нибудь, допустим, присвоит себе тот же его свитер — что же, пусть забирает! Тревожился он совершенно по иному поводу: вдруг исчезнувший Демьянов возьмет да и польстится на обитый рейками сарай, именуемый американским домом, и на самоходный железный ящик с колесами, именуемый автомобилем «фордом». Хотя, несмотря на все Алёшкины выкрутасы, не могло этого быть. Просто не могло!

Вздохнув, Чиваркин присовокупил к выложенному перед собой «богатству» брошенную особистом банку. Осмотрел свой ТТ, выхватил и вновь вставил обойму, с хрустом съел найденную в мешке половинку луковицы, запил ее речной водой, передел носки, сложил все обратно в сидор и, отвернувшись от шумной реки, начал медленное восхождение на хребет, который поначалу был скрыт густым лесом, а затем, по мере подъема, когда черед сосен и елей заметно поредела, открылся во всем своем мрачном великолепии — кое-где даже блестел на нем снег. И конечно же не подозревал Чиваркин о духе зла, которого как огня боялись местные алеуты, и дялянку с растерзанным мертвецом благополучно миновал, ее не заметив, и направлялся теперь, оборванный, взмыленный, по самому короткому, но опасному пути, стремясь перевалить с северной стороны хребта на южную, а там и непременно нагнать непутевого Алёшку Демьянова.

Часто монолит сменялся острым щебнем, по которому даже в ботинках неловко было ступать. Иногда ноги чуть ли не по щиколотку утопали в бесчисленных мелких камнях, разезжались, скользили, и схватиться-то было не за что — через несколько часов подъема внизу остались даже самые мелкие кустики. Приходилось опираться руками на всю ту же щебенку.

Опустившись передохнуть, Чиваркин заметил еще одну напасть: на почтительном расстоянии за ним бесшумно следовал огромный гризли. Чиваркин медведю не удивился: на Севере часто чуть ли не вплотную приближались к заполярным аэродромам полутораметровые в холке белые хищники. Гризли пока не собирался прибавлять ход; стоило летчику остановиться, останавливался и зверь — но положение осложнилось: мало того, что ТТ все время теперь должен был быть под рукой — таяли шансы на безопасный отдых.

После еще нескольких передышек, когда окончательно выяснилось, что гризли не шутит, стало Васе не по себе: тем более, перспектива в любую минуту остаться босым оказалась более, чем вероятна. Последними словами обругал он Алёшку, из-за которого претерпевал истинные нравственные и физические муки на этом нескончаемом каменном склоне. Медведь упрямо болтался сзади, словно привязанный невидимой нитью, и Вася не выдержал. Пальнул он, конечно же, мимо. Впрочем, Чиваркин и не старался попасть: для подобной туши пистолетная пуля на таком расстоянии, что дробины слону. Гризли чуть подался назад и сел на задние лапы, мотая

тяжелой башкой и жадно принохиваясь. Затем лениво, вразвалочку, продолжил преследование, иногда останавливаясь и нюхая воздух.

— Что увязался? — крикнул человек, заметив, что расстояние между ним и зверем пусть не намного, но все-таки сократилось. — Захотел девять грамм?

Медведь, естественно, не ответил.

На медленный подъем ушел целый день. Вечером опустившееся облако скрыло долину: туман чуть ли не подползал к Васиным ногам. Иногда преследователь терялся в этой вате. Наверх задыхающийся Чиваркин боялся смотреть — пути конца-краю не было. Ботинки чудом еще держались. Гнуса здесь не оказалось, однако распаленность тела уступила место ознобу, от которого не спасал насквозь пропитанный влагой комбинезон — и ни щепки, ни прутика. Чиваркин пытался закурить — без толку. Все без толку!

Гризли не отставал.

XVIII

Что касается лейтенанта Бессела, лодка с мотором — собственность местного полицейского — была в полном его распоряжении. Данилов предложил также и свой, внушающий уважение надежностью, помповый «Ithaca model 37», от которого, впрочем, Смит отказался.

Несколько ранее взлетел и растворился в тучах пятнистый «грумман»: Корт досконально запомнил данную ему инструкцию и слово в слово ее повторил.

Рыбаки Майткона, их женщины и собаки собрались на берегу Тэш и толпились чуть поодаль, молчаливо провожая двух янки. Данилов снял сапоги, закатал штаны и зашел в воду, помогая Смигу и доктору стащить лодку с песчаной отмели.

— Что касается вас, Фрэнк, — сказал Неторопливый Бесси алеуту, — то я не буду сейчас перечислять вам ваши обязанности, от которых вы уклонились. Замечу только — за неисполнение должностных полномочий вас не просто могут уволить. Вы пойдете под суд.

— Что касается мотора, заводится он не так уж и легко, — в свою очередь заметил полисмен Смигу, снимая моторный кожух, — нужно приложить кое-какие усилия. Но если уж завелся...

Данилов стоял рядом с Бесселом, придерживая лодку за борт.

— Держитесь середины, лейтенант, — посоветовал. — Заводите мотор только там. Запасные канистры на корме. Весла у вас под ногами. На стремнине не сильно раскачивайтесь: особенно против течения.

— Обыкновенная человеческая солидарность обязывает приходить на помощь пропавшим или терпящим бедствие, — ровным голосом продолжил Бессел. — Неужели вы всерьез верите в какого-то там духа, Фрэнк? Что вы тогда делаете в полиции?

— Послушайте, лейтенант. Есть вещи, которые я не могу вам объяснить. Да я думаю, мне и не надо их объяснять. Если по-человечески: я бы не советовал вам отправляться прямо в пасть к этому дьяволу. Тем более, вам повезло — он вас не тронул, когда вы, ни о чем не подозревая, болтались там чуть ли не целый день. Точно скажу одно: вы не найдете своего Ридли. Его никто уже никогда не найдет.

— Идите к черту, Фрэнк, — единственный раз за все это время сорвался Бессел.

— Держитесь середины! — ответил тот.

Фрэнк повернулся и побрел обратно к соотечественникам.

— Дикари, — пробормотал обозленный Трипп. — Самые настоящие дикари.

Мотор завелся со второй попытки; двигатель действительно был мощным — лодку задрясло. Руль хорошо слушался, и Смит сразу же взял курс на середину реки. Он все обдумал — поисками Билла Ридли займутся военные: Корт вернется со специалистами на то самое озеро, с которого они добрались до склона. Он же полностью сосредоточится на основной задаче: встретит плот со сбежавшим русским,

препроводит беглеца в Майткон, а затем вместе с ним отправится к Хиггинсу и ребятам из ФБР. Не такая уж она и непосильная, эта задачка.

— Не унывайте, — крикнул Бессел нахохлившись на носу лодки доку, чем-то похожему на рассерженную, взъерошенную птицу. — У меня есть для вас кое-что.

И выхватив из рюкзака свою плоскую квадратную флягу с коньяком, бросил ее Триппу.

Между тем жители не расходились. Собаки также молчали: единственным раздававшимся иногда звуком было ворчание, с которым тот или иной пес ложился возле ног своего хозяина, высовывая язык и добродушно поглядывая на серый унылый мир. Отперев церквушку для вседневной утрени, к своей пастве ненадолго присоединился священник, всматривающийся, как и его прихожане, в поглотивший лодку низкий речной туман. Ветер трепал его седенькую бороденку.

Данилов сел на бревно, достал трубку, набил ее табаком из кисета и попросил спичек у сидящего рядом старика.

— Где Нанук и Напак? — спросил тот по-алеутски.

— Они за Белой грядой, — по-алеутски ответил Данилов, раскуривая табак. — Это надолго. Они ставят сети там. Много рыбы привезут.

— Тебя снимут, — сказал старик, внимательно посмотрев на полицейского.

— Возможно, Паналык. Возможно, — отвечивал тот.

— Что еще скажешь, Фрэнк?

— Русские когда-то ушли. Американцы уйдут. А нам оставаться, — сказал Фрэнк. — Вот и все дела, Паналык. Вот и все дела.

XIX

Двигатель (судя по его ровной, без сбоев, работе, прекрасно отрегулированный), как и клялся майтконовский коп, не подводил. Винт, вспарывая темную воду Тэш и вспенивая за лодкой расходящийся клин, толкал ее навстречу предполагаемому плоту. Фляга пришлась как нельзя кстати: сделав несколько глотков, Трипп не то чтобы повеселел — веселья в их положении было мало, — но хоть как-то пришел в себя. Вытащив бинокль по просьбе управляющего рулем Неторопливого Бесси, он работал впередсмотрящим, а заодно следил за берегом по правому борту. Бессел не упускал из своего внимания левый, с удовлетворением отмечая, что заросли на береговой полосе достаточно низки. Попадались большие пролысины из гальки, что еще больше облегчало обзор. Проведенная в полицейском участке Майткона ночь имела для Смита по крайней мере одну положительную сторону — он подготовился к путешествию. Лейтенант, конечно же, не забыл про карабин, палатку, противомоскитные сетки, запасные свитера и носки и лично отобрал продовольствие на несколько дней, отдав предпочтение галетам и кофе. Сигарет было достаточно, патронов — тоже: все это, упакованное, укрытое от брызг брезентом, располагалось на лодочных банках. Трипп решил не отставать от начальника — перед тем, как отправиться в путь, тщательно перебрал свои медикаменты: бинты, скальпели, шприцы, ампулы с обезболивающим...

Из-за шума мотора разговаривать было почти невозможно, вот почему несколько часов плыли молча. Временами из камышей, едва не задевая их крыльями, поднимались стаи белолобых гусей: пернатые летели настолько близко, что казалось, вот-вот можно схватить за лапы ту или иную особь. Пролетали над ними и казарки, и бобовые гуси тайги, и лебеди-кликуны. Но еще большее количество птиц паслось вдоль берегов и плавало в заводях. Серые утки взлетали прямо по носу лодки, словно напрашиваясь на выстрел. Карабин лежал под рукой, как и патроны с дробью, однако и лейтенанту, и доктору было не до охоты. Время от времени Трипп оглядывался на не выпускающего руль лейтенанта, с профессиональной завистью отмечая на лице Бессела всю ту же каменную невозмутимость, которая, как и голос этого человека, имела особенность успокаивать в самых неприятных ситуациях (а в данный момент ситуация была весьма неприятной, если не сказать жестче). После исчезновения Ридли и категорического

отказа местных жителей прийти на помощь доктор не без основания подозревал — дела пойдут еще хуже.

— Эти папуасы живут в каменном веке, — обратился Трипп к лейтенанту, когда они все-таки высадились на обдуваемом со всех сторон островке с намерением немного отдохнуть и размяться. — Просто удивительно! Как можно иметь ружья, моторы, ходить в церковь — и забивать себе голову подобной чушью? Ума не приложу!

— Бойтесь духов, док? — спросил пронизательный Бессел, выгружая на гальку подобранный валежник.

— Нет, не боюсь, — бормотал несколько сконфуженный Трипп. — Я поражаюсь, сколько мусора в голове у этих аборигенов...

Не поддержав разговора, Смит принялся за разведение костерка. Материал был сухой, ветерок на отмели свежий — огонь затрещал почти мгновенно. Пара-другая минут: маленький чайник на треноге подал бурчащий голос.

— Судя по довольно быстрому течению, мы встретим клиента уже совсем скоро, — сказал Бессел, надевая обеспокоенного Триппа галетами и разливая по жестяным кружкам коричневый, с дымной пенкой, кофе. — Надеюсь, до наступления темноты.

— А если не встретим? — вздохнул доктор. — Мне нужно возвращаться в госпиталь. Еще немного — я попросту одичаю.

— Он — опытный пилот, док, — сказал Бессел. — Здесь, на перегонах, у русских нет неопытных летчиков. Наверняка он имеет карту. Каким-то образом у него оказался даже топор. Это подготовленный человек: он знает, что делает.

Кофе был допит в молчании. Затем, погрузившись в лодку, веслами отведя ее на стремнину и с третьей попытки разбудив мотор, они продолжили плавание. Интуиция Бессела оказалась просто потрясающей: еще до наступления вечера, когда внезапно выкатившееся солнце ослепило Смита, на очередной, покрытой низкими камышами отмели по правому борту доктор заметил предмет, который при приближении своими очертаниями все более напоминал именно то, что они искали: так-то оно и оказалось!

— Лейтенант! — заорал Трипп. — Лейтенант!

— Вы молодчина, Джон! — закричал в ответ Бессел. И повернул руль: лодка заложила крен настолько глубокий, что чуть было не зачерпнула бортом (Трипп едва не уронил в воду бинокль и едва не полетел сам), выровнялась и понеслась к едва заметному в камышах маленькому плоту. На притопленной площадке из сосновых бревнышек, покачивающейся на волнах, никого не оказалось, однако береговой камыш был примят. Смит сразу это заметил, как и заметил использованные для постройки плота парашютные стропы. Он спрыгнул в воду и зашлепал к следам, отпечатавшимся в прибрежной глине. Доктор последовал его примеру. Оба, не сговариваясь, устремились в камыши, прибывая их вокруг себя, и, задохнувшись от слишком резкого, поистине спринтерского рывка, поднялись по заросшему сухой травой склону — Бессел впереди, доктор за ним.

— Дьявол! — закричал Трипп, наткнувшись на лейтенанта, из-за его плеча разглядывая находку. Он повторял в отчаянии:

— Дьявол, дьявол, дьявол...

Облепленное мухами тело лежало на животе. Вне всякого сомнения, это был военный: галифе, сапоги, гимнастерка. От правой руки остались ошметки, левая прижата к боку, пальцы сжимали летный шлемофон. Головы у трупа не было. Ошеломленный Трипп по просьбе Бессела обследовал округу, пока тот, перевернув убитого, размышлял над ним. Внимательно осмотрев залитую кровью гимнастерку, из бокового кармана своей куртки Смит достал маленькую зеленую пуговицу.

— В принципе, голову можно и не искать. Это русский летчик, здесь нет никаких вопросов, — прохрипел вернувшийся док, бросая к ногам Смита найденный

вещмешок. — Финита ля комедия. Ничего не остается, как вернуться, — и вернуться как можно быстрее...

Смит не отвечал.

Затем приступил к обыску.

Никаких документов в нагрудных карманах гимнастерки не оказалось.

В лежащей рядом летной куртке — тоже.

Карманы галифе были пусты.

В вещмешке Смит обнаружил топор, компас, бинокль, банку тушенки, пустую сигаретную пачку, бинты, лекарства, пистолетную обойму, блокнот и, наконец, сложенную на несколько частей, размокшую от сырости карту.

— Что будем предпринимать, лейтенант? — спросил док, затравленно оглядываясь.

Смит развернул карту, разглядывая ее.

Трипп не унимался:

— Задача решена. Остается констатировать — летчик мертв: я тому свидетель.

Давайте-ка уберемся отсюда поскорее.

— Алеутские духи, док? — не поднимая головы, спросил Бессел.

— Зря мы не захватили с собой карабин.

— Так все-таки духи?

— Честно говоря, меня немножко трясет, — признался тот. — Чертовы алеуты! Лучшее в нашем положении — оказаться обратно на лодке.

Внезапный шорох заставил доктора вздрогнуть. Даже поняв, что на камыши налетел ветер, Трипп никак не мог успокоиться:

— Вы можете доложить начальству о том, что сделали, с самой чистой совестью.

Я все запротоколирую, все подпишу и все подтвержу. Лейтенант, пойдете. Здесь нам уже нечего делать.

Неторопливый Бесси наконец поднялся с колен. Прежде чем последовать совету откровенно струсившего доктора, он вытащил обойму из пистолета, разрядил ее и пересчитал патроны.

Закатное солнце освещало проклятый берег.

Вещмешок и оружие Смит забрал с собой.

XX

Просто удивительно, что Вася Чиваркин не замерз той мучительной ночью. Укрывшись за валуном, прижав к себе «сидор», словно мешок мог его согреть, выбивая дробь зубами, он временами приводил в движение спусковой механизм ТТ. Вырывающееся из ствола пламя и прыгающий эхом грохот успокаивали ненадолго. У страха глаза велики, тем более в темноте. Чиваркину постоянно казалось, что медведь совсем рядом. Подобная уверенность заставила продержаться открытыми глаза почти до утра. И неудивительно, что охватившая его на рассвете полудрема была похожа на бред: привиделось, майор трясет его за шиворот, требуя встать, затем, по всем классическим законам сна, особист превратился в озабоченную Богдановну: «Я говорила, лететь надо на базу», — строго сказала Васе серьезная маленькая женщина. — «Марь Ивановна» готова!» «Как же мы полетим? — не поверил Чиваркин, — мы же оставили тебя на озере рядом с этим хламом. Подлецы мы». — «Ничего, что подлецы, — сказала ему Богдановна, нараспев произнеся сакраментальное русское слово *ничего*. — Я к вам, мужикам, привычная. И ничего, что хлам. Как-нибудь полетим». — «А как же медведь?» — почему-то спросил Чиваркин. — «Возьмем с собой и медведя». — «А Лёшка Демьянов?» — испуганно вспомнил Вася. Здесь Чиваркину показалось, что гризли сопит чуть ли не над его ухом, и Вася проснулся. Машинально он выстрелил еще раз.

Утро оказалось исключительно ясным: тучи растаяли. Взору измученного

летчика открылась бесконечная пустыня Аляски, состоящая из лысых хребтов, одинокого пика «пятнадцать-шестнадцать», хорошо отсюда видного, и пятен темного леса на склонах. Эта земля попросту подавляла Чиваркина мощью своих угрюмых валунов, близких и дальних гор, синеющих за десятки километров от него давно заснувших вулканов. И повсюду от Васи — на восток, на север, на юг, на запад — простиралась земля, заселенные зверями и птицами, чрезвычайно редко встречающимися на своем пути таких странных существ, как люди. И Чиваркин все-таки психанул. Чертова Аляска! Невыносимая Аляска! Гнусная Аляска! Будь прокляты ее дожди и туманы, ее бесчисленная мошкара, ее дикая дневная жара и ледяные ночи! Будь прокляты ее обитатели, способные одним сжатием своих челюстей отправить на тот свет оказавшихся здесь недотеп! Задрав голову, Вася пришел в отчаяние: до вершины хребта, как до луны, а силы уже на исходе. Единственным утешением было то, что, пока он пребывал в забвении, его согрело солнце и озноб понемногу отступал.

Зато не отступал медведь.

Чиваркин забил рот остатками мокрого, липкого, безвкусного хлеба, стараясь прожевывать пищу как можно медленней.

Где-то в стороне раздался знакомый гул — высоко над горной пустыней гудели моторами два «жучка». Вскоре в обратном направлении, тархтя, пролетел родной «Ли-2»: на этой отечественной копии «дугласа» пилоты 1-й авиаперегоночной возвращались в Фэрбанкс за новыми «бостонами». Провожая неторопливого «лисенка» глазами, капитан Чиваркин чуть было не завыл от тоски. Если бы не это дурацкое ЧП с Алёшкой, дремал бы сейчас он, сытый и одетый, на жесткой скамье в чреве транспортника, временами просыпаясь и выглядывая в иллюминатор, или думал бы о чем-нибудь хорошем: например, о возможности в очередной раз хорошо поесть и вдосталь выспаться в американской казарме. И горя было бы ему мало!

Блиские сопение и фырканье вернули Васю с небес. В обойме остались три пули. Вне всякого сомнения, выстрелы заставляли зверя держаться на расстоянии, однако гризли не собирался сдаваться — стоило только летчику начать движение, преследование продолжилось. Ужасным было то, что гарантированно завалить эту гору, состоящую из меха, мяса и смертоносных когтей, не представлялось возможным — из ТТ такого крупного гризли можно было только ранить, тем самым подписав себе смертный приговор. Оглядываясь, Чиваркин видел: с клыков медведя стекает мутновато-желтая слюна.

На одном из привалов Вася использовал остатки строп, подвязав ими уже совсем отваливающиеся подошвы. Гризли, остановившись внизу, метрах в тридцати, поднял на него голову и заворчал, дескать: «Ничего, брат. Осталось немного. И патроны твои кончатся. И ты совсем ослабнешь».

Глазки зверя не обещали летчику ничего хорошего.

— Хрен тебе, сволочь, — сказал Чиваркин, чувствуя, как внутри закипает справедливая злость. — Большой тебе хрен...

Они медленно и неуклонно поднимались к вершине недостижимого каменистого, зловеще чернеющего хребта — две точки на фоне поблескивающей гальки и начавшегося попадаться навстречу снега: человек и упрямо тянущийся за ним медведь.

Острые камни сделали дело: правая подошва окончательно расплзлась. Вася с тоской вспомнил свою ссору со штурманом из-за отличных, надежных, новеньких американских ботинок. Те ботинки действительно были качественные: сюда бы их! Чиваркин впал в отчаяние. И почему он так уверился, что босой на одну ногу Демьянов полезет именно на вершину, а не направится по берегу Кэш, как и полагается любому здравомыслящему человеку? «Нет, все-таки полезет, — подумал, приказывая себе не раскисать на виду у медведя. — Обязательно полезет. Здравомыслия в Алёшке ни на грош: чего только стоит его выходка в Фэрбанксе. Одно слово — дурак».

XXI

Неторопливый Бесси развернул лодку в обратном направлении, как только они с доком оказались на ее борту. Трипп не противился решению босса — после всего увиденного он не горел желанием оставаться в этих местах на ночлег. Риск, разумеется, был — часто лодка оказывалась в плотном тумане. Каким-то чудом Бессел провел ее по самой узкой и быстрой части Тэш. Гудение мотора поднимало расположившихся в плавнях на ночлег бесчисленных гусей и уток: недовольный гогот и крикание служили пусть ненадежным, но ориентиром, однако риск натолкнуться на отмель все-таки был. Тем не менее Смит не сбавлял хода, торопясь вернуться как можно скорее. Замерзший, обеспокоенный доктор добросовестно вглядывался в белесую пелену, но мало чем мог помочь рулевому: тому приходилось полагаться на интуицию, которая вновь не подвела. Янки вернулись в Майткон под утро. В тумане они едва не проскочили поселок — вовремя залаяли собаки; целая их стая тут же сбежалась встречать вернувшихся. Данилов словно бы и не ложился: вместе с помощником полисмен явился на место высадки. Бессел попросил Триппа не распространяться об увиденном, однако алеут-полисмен вопросов не задавал. Фрэнк помог вытащить лодку, препроводил их в участок и пожелал хорошо выспаться.

Несколько часов рваного сна на жестком матрасе под пропахшим псиной одеялом скорее утомили доктора, чем взбудрили его. Смит же вообще не ложился. Керосиновая лампа пришлась весьма кстати. Вытащив из захваченного с собой вещмешка блокнот и рвущуюся на изгибах карту русского, разложив их на столе, лейтенант предался размышлениям. Блокнот ничего не дал: записи в нем велись шифром. А вот карта...

Когда совсем рассвело, лейтенант отправился к сетям и лодкам.

Невыспавшийся Трипп обнаружил начальника расхаживающим взад-вперед по вдающимся в реку мосткам, которые под его шагами немилосердно скрипели. Пожалуй, впервые со дня знакомства с представителем контрразведки доктор увидел на лице Бессела некоторое волнение. Впрочем, на этот раз Смит не собирался скрывать его; давно он так не маялся, как в те, тянущиеся подобно жевательной резинке, часы. Смит ожидал прилета «груммана», умоляя небеса, чтобы гидроплан вернулся как можно скорее. И небо не подкачало. Корт оказался исключительно пунктуален — полчаса задержки не в счет.

Майткон услышал стрекотание самолета в 13.30 по местному времени, а уже через пять минут, привлекая своим появлением жителей, «грумман» коснулся воды и, пробежавшись перед собаками и людьми, закачался возле мостков. На месте Ридли сидел новый пилот. При виде самолета возбуждение охватило доктора Триппа — все говорило о том, что, оставив внизу этот дремучий поселок с его явным средневековьем, они вот-вот возьмут курс на цивилизацию: таким образом, всего два часа полета отделяли страдальца от горячей ванны и похрустывающих, девственно чистых простыней. У доктора закружилась голова при воспоминании о запахе ароматизированного мыла «Lassu». Сейчас он готов был всучить кому угодно полцарства за пижаму и мягкие тапочки. И остальную половину — за возможность наконец-то выспаться в тишине отдельного номера пусть и плохонькой, но все же гостиницы «Северный Форт», который вот уже второй год оплачивало за него военное ведомство.

— Прикажете собирать имущество, босс? — крикнул Корт, высовываясь из кабины.

— Заводи моторы, Дэвис, — отвечал ему Бессел, еще более усилив нетерпение эскулапа.

— Возвращаемся в Найт-Филд? — с надеждой спросил доктор.

— Боюсь, что нет! — откликнулся на преждевременную радость Неторопливый Бесси. — Нам еще придется какое-то время побыть в этих благословенных краях. Полезайте в кабину, док. Да — и не забудьте аптечку!

XXII

Посредине Аляски, на все том же злосчастном северном склоне недалеко от вершины хребта намертво вбит в щель деревянный столб: гладкий, блестящий, окаменевший, как полагается стволу, за сто (а может быть, и поболее) лет обмытому дождем и «обласканному» ветром. Солнце также постаралось, доведя дерево до звонкой твердости. И так здорово, на совесть закалено это вечное дерево, так «выдержано» жарой, водой, холодом, что любой, самый остро наточенный топор отлетит от него, не оставив ни малейшей зарубки, и, кажется, ничто в мире уже не грозит ему — ни ураган, ни молния. Непонятно, что за существо вырезано на столбе! Морда тотема оскалена, она ужасна; распахнуты глаза, зрачки которых, потемневшие то ли от времени, то ли от оставшейся краски, производят впечатление даже на тех, кто не особо и впечатлителен, кто уже предупрежден, кто уже готов их увидеть. Деревянный язык высунут между двух нижних зубов. Про глаза можно сказать: они проникают, они словно едят всматривающегося в них и нехорошо едят — несомненно, есть в них нечто зловещее и по-настоящему колдовское. Как удалось создать подобное выражение «проницаемости» этих глаз в душу тех, кто встречается с ними взглядом, безмянным резчикам — неведомо: не иначе не обошлось без шаманства и заклинательных плясок. Но более морды уродливы уши тотема, ибо они есть уши с большой буквы: Уши-Крылья — растопыренные, расщепленные на кончиках, некогда богато раскрашенные (все облупилось, опять-таки лишь кое-где осталась древняя краска). Эти распахнувшиеся Уши-Крылья создают впечатление, что морда готова вот-вот сорваться со своего постамента и по-ястребиному броситься на взобравшегося сюда храбреца.

И откуда в царстве голых камней появился этот несомненный знак тьмы; знак близкого лиха; знак поистине адовой потусторонности, готовой поглотить без остатка всякого, кто с ней соприкоснется, кто посмеет случайно ли или нарочно в нее заглянуть? Для чего понадобилось тянуть его по валунам и камням на подобную высоту и ценой невероятных усилий водрузить здесь? Кто возился с этим тяжелым раскрашенным деревом? Атапаски? Тлинкиты? Хайда? Давно исчезнувшие с лица земли племена, обитающие сейчас в мире, который тотем охраняет? Как бы там ни было, в результате их усилий столетний, а может и тысячелетний, столб торчит здесь стражем у входа в неведомое. Карабкающийся на четвереньках по осыпающемуся склону Чиваркин наткнулся на цербера настолько внезапно, что, подняв голову, заорал от неожиданности и, что греха таить, страха. Мало ему было морды настоящей, там, позади! Он словно попал в ловушку: деревянное пугало не только потрясло своим видом: оно еще и ожило, завыв настолько пронзительно, что и так-то едва державшемуся летчику впору было поседеть. Взгляд тотема проедал Чиваркина, вой не прекращался. Лишь потом бедный Вася обнаружил причину «голоса» — полые глиняные трубочки, вставленные в те самые инопланетные Уши-Крылья, их-то и заставлял подвывать появившийся ветер. Но нащупал он гудящую часть лишь после того, как выстрелил в проклятое дерево, словно в возникшего перед ним врага (впрочем, тотем им и был). Показалось — свинец отрекошетил; во всяком случае, немного придя в себя и исследовав столб, Чиваркин так и не смог найти пулевого отверстия. Полная чертовщина! После подобного столкновения валяющиеся под столбом коричневые кости, судя по ребрам и почти раскрошившейся берцовой кости, человеческие — то ли некогда принесенная языческому столбу жертва, то ли очередной сгинувший в этих местах несчастный — особых эмоций у Васи не вызвали. Сердце летчика, конечно, на секунду сжалось, но останки ничем ему не грозили. Ругательства, самые грязные, самые отвратительные, обращенные к Ушам-Крыльям и неостановимому гризли, смогли ненадолго его успокоить. И Вася продолжил движение — благо до верха осталось немного.

Тотем вновь загудел — теперь уже позади.

Медведь, обойдя столб и обнюхав кости, вновь напомнил о себе глухим недовольным ворчанием.

Переваливший через куполообразную, кое-где покрытую снегом вершину хребта, чем-то схожую с плешивой человеческой головой, Чиваркин теперь уже не шел — скатывался на спине и на животе по склону, окончательно превращая еще несколько дней назад выданный ему комбинезон в лохмотья. Всякий раз, когда летчик останавливался и, переводя дыхание, оглядывался, он видел осторожно и аккуратно спускающегося следом медведя. Иногда и гризли, не удерживаясь, съезжал на лапах, и у Васи вновь замирало сердце. Вне всякого сомнения, гризли не собирался его отпускать. Чиваркин не мог не признаться, что дело дрянь. Он был откровенно плох: воздуха не хватало, горло першило, перед глазами то и дело плавали большие разноцветные пятна. Достигнув первых невысоких деревьев и цепляясь то за одно, то за другое (деревца словно бы передавали его по эстафете), Вася увидел внизу гладь Хашибы, по сравнению с нервной Тэш — реки задумчивой и многоводной, в которую с противоположных гор стекала блестящая ртуть водопадов.

— Я-то знаю, что Алёшка дурак, — сам себе сказал Чиваркин, отрывая подошву от окончательно прохудившегося ботинка и выкидывая поначалу ее, а следом и сам башмак.

Гризли ворчал за спиной. Вася выстрелил, в который раз грохотом и пламенем отгоняя наглеца, затем достал из сидора запасную обойму, переложил ее в карман комбинезона. Спускался он теперь, в отличие от Демьянова, забывшего в кабине левый «Service Shoes», по иронии судьбы босой на правую ногу.

Гризли трусил за ним, словно призрак, угрожающий, неостановимый, то и дело приноживающийся к человеческим следам, которые вскоре закровянили. И ведь никак Васе было от него не отвязаться, никак было его не отогнать, никак он не мог отклеить от себя эту зловещую тень, а до реки оставалось еще далеко. Впрочем, по большому счету, и река не могла бы его спасти: гризли не мастера забираться на деревья, но пловцы они изумительные, так что шансы на избавление от напасти таяли. Небеса, промытые, чистые, издевательски синели, солнце жарило спину, раскаленные камешки впивались в подошву босой ноги, нещадно ее кромсая, сверкала повсюду, ослепляя Чиваркина, вкрапившаяся мириадами точек в местную породу слюда, и страшно боялся Вася, что не только не найдет он затерявшегося штурмана, но и сам не дотянет: кончится на середине пути. Едва оставались силы дрожащими руками перезарядить пистолет. Решив в случае нападения дорого продать свою жизнь и выпустить последнюю пулю в упор, в истекающую слюной, распахнутую медвежьей пастью, Чиваркин срезал ножом первую попавшуюся березку и, охая от боли, опираясь на корявый посох, продолжил движение. Гризли не отставал. Единственное, что еще продолжало удерживать медведя от решительного броска, — очередной сноп пламени и грохот, вырывающиеся из маленького предмета в руке потенциальной жертвы. В этом упрямом преследовании было нечто мистическое. Бедный пилот Чиваркин не мог подобную мистику объяснить: обычно даже такие монстры, как аляскинские медведи, не охотятся за людьми, тем более летом, когда в мелких речках полно рыбы, а по холмам поспевают малина. Но преследователь был особенным: вот в чем дело! Настоящий кадьак весом не менее полутонны с настолько тяжелыми лапами, что они не просто продавливали гравий и гальку, а утопали в них чуть ли не наполовину. Время от времени, когда гризли вытаскивал то одну, то другую лапу, он демонстрировал оглядывающемуся летчику просто чудовищные когти. Чиваркин не видел подобных даже у белых медведей — поблескивающие на солнце «ножи» кадьака были не менее двадцати сантиметров. А клыки, желтоватые, огромные, словно бивни моржа, клыки! Гризли, словно нарочно, то и дело показывал их, когда ловил на себе взгляд двуногого, которого он столь методично и долго третировал. Глазки зверя не были преисполнены интеллекта, но в них читались целеустремленность и поистине адская сила — эти злобные горящие уголья заставили летчика вспомнить о майоре Крушицком и о его прощальном взгляде. «Что же будет после того, как останется последний патрон? — с отчаянием думал Вася, в очередной раз нажимая на спусковой крючок. — Что же будет после?»

XXIII

А после было обыкновенное чудо, которое и спасло капитана 1-й авиа-перегоночной дивизии от верной гибели именно в тот момент, когда последняя пистолетная обойма опустела уже наполовину, а силы растаяли настолько, что летчик с трудом различал в наплывающей на глаза темноте зверя. И явилось к Чиваркину это самое что ни на есть обыкновенное чудо в образе маленькой злой Богдановны.

Есть женщины в русских селеньях: забытая из-за мужских игр на озере Кэрбиш, облепленная комарами «трактористка» при помощи веревок и примитивных по исполнению, но хитроумных по замыслу рычагов умудрилась не только выправить «Марью», но и дотянуть ее до воды, поставить «на поплавки», заклеить фанеру фюзеляжа приготовленным в ведре дегтем и, наконец, употребить все свое оставшееся упрямство на очередную реанимацию мотора. Гризли ее так и не навестили: скорее всего, их отпугивали запахи бензина и машинного масла. Хотя майор не особо расщедрился на паек, бескормица Богдановне не грозила: во время работы амазонка питалась тушенкой и хлебом, а после починки распутала взятую с собой леску с крючком и грузилом, вдосталь набрала мотыля и, закинув уд, наловила в избытке гольцов. Ничего не стоило затем даме очистить жирную рыбу, водрузить над костром котелок, посолить, поперчить варево, кинуть в него луковицу и подкрепиться наваристой, вкусной ухой. Оставшийся бульон, покрытый янтарной коркой, она перелила в предусмотрительно взятый бидончик и отнесла его в самолет (как оказалось, совсем не напрасно). Благодаря несомненному техническому таланту некрасовской героини, а также ее слезам и мольбам (не обошлось и без отчаянной ругани!), возродившийся гидроплан зачихал, закашлялся, окутался дымом, затрясся по волнам, накренился, чуть ли не прочертив верхним крылом по воде, затем выправился, подскочил, взлетел и отправился бороздить вымытые небеса. Женщина и не думала о возвращении в Ном: она искала трех дураков.

Прочесав северную сторону злополучного хребта и не обнаружив там никого, кроме стада оленей и все тех же медведей (полутораплан здорово напугал собравшихся на очередном склоне самку с тремя детенышами), неостановимая Богдановна перелетела на южную и вот здесь-то, повиснув над более пологой стороной, ясно увидела внизу две, бросающие от себя тени, фигурки: двуногую, ковляющую по направлению к недалекой Хашибе, и, следом, четвероногую, явно преследующую добычу.

Зверь поднял на гидроплан тяжелую неповоротливую башку и угрожающе, хрипло рычал, словно предчувствуя тщету всех своих усилий. Клыки его были видны даже из разбитой, без бортовых стекол, кабины Ш-2.

Женщина, развернувшись и пойдя на бреющем, дотянулась до ракетницы — выпущенная по гризли дымная ярко-красная струя настолько испугала медведя, что он впервые отбежал на значительное расстояние. До галечной отмели Чиваркину оставалось совсем ничего. Летчик отбросил жердину и, умоляя Бога, чтобы Бог не оставлял его, рванул к реке, несмотря на кровавившуюся лодыжку. Гризли поскакал следом со скоростью полного сил жеребца. Расстояние трагически сокращалось, однако Господь, непонятно за какие Васины добродетели, вновь помог несчастному летуну: «Марь Ивановна», милая, дорогая, драгоценная «Марь Ивановна», дав по гризли еще один впечатляющий залп из ракетницы, уже садилась на воду.

— Радуйся, — проворчала Богдановна, с такой силой втягивая Чиваркина за шиворот в лодку, что окончательно сдувшийся Вася почувствовал себя беспомощным малым ребенком. — Топтыгин тебя едва за жопу не цапнул! Что не убрал его?

— Боялся, не свалю. Боялся: напрыгнет он на меня, раненый.

— Нож на что? — крикнула женщина.

Вася промолчал.

— Слабо, — ответила за него Богдановна.

И, вырвав на середину реки, не преминула сплюнуть:

— Мужики, называется... Тьфу!

Провожая гидроплан с ускользнувшей добычей, гризли встал на задние лапы — даже сверху он казался истинным великаном: страшным, злобным, с красной открытой пастью. Как и оставшийся на той вершине одинокий, словно вечность, столб-тотем, он был сам символ, сам дух Аляски: впрочем, и летчик, и техник на него уже не смотрели.

— Прости, что мы тебя там... того... оставили, — хрипел Чиваркин, испытывая скорее стыд, чем радость от встречи со своим озабоченным ангелом-спасителем (стыд был не только за себя, но и за конченого эгоиста майора).

— Да вы всегда баб бросаете, — отмахнулась та. — Ничего. Мы привычные...

«Ничего» — вспомнил Чиваркину пророческий сон. И Вася, отвернувшись, заплакал, впрочем, «трактористка» на сопле горе-летчика уже не обращала внимания.

Ш-2 вновь стрекотал над пустыней. Им невероятно свезло — не прошло и пяти минут полета вдоль речной дуги, как пришедший в себя Чиваркин заметил в прибрежных камышах серый дым, а затем, когда Ш-2 приблизился, лежащего ничком рядом с дымящимися головешками человека. Но не успела Богдановна, убедившись, что перед ними именно тот, кого они ищут — изможденный, вымотанный, с трудом поднявшийся от костерка советский штурман Демьянов, — повернуть на снижение, как с противоположной закатному солнцу стороны появилась и принялась увеличиваться черная точка.

Почти одновременно с «Марь Ивановной» приводнился на воды Хашибы лакированный пятнистый «грумман».

XXIV

Два гидроплана — латаный, битый-перебитый, с едва читаемой звездой на хвосте и новенький, свежавыкрашенный, массивный по сравнению с допотопной советской «лодкой» американец — покачивались совсем недалеко друг от друга. Моторы «груммана», издавая густой ровный звук, говорящий об их отменном здоровье, еще какое-то время гнали рябь по реке. Надсадный кашель двигателя «Ивановны», с которым тот прекратил свою нервную, перебиваемую постоянными вздохами работу, они снисходительно заглушили.

— Что теперь будем делать, босс?

Вопрос Корта, как и обращенный на него взгляд доктора, не застали Бессела врасплох:

— Остаемся на своих местах, джентльмены.

Неторопливый Бесси прильнул к биноклю. Русский летчик стоял теперь уже на отдели по колено в воде: за ним в камышах дымил костер. Штурман был явно растерян. Прекрасный цейсовский бинокль приблизил к Смиуту измазанное копотью, опухшее от укусов, разодранное лицо русского, его не менее опухшую шею, заляпанный пятнами комбинезон. Левый бок штурмана здорово кровоточил: кровь промочила повязку из парашютной ткани, перетянутую ремнем. Левая штанина почти до бедра закатана, и по синеватой багровости колена было видно — с ногой также не все в порядке. Но главное — летчик держал за сделанные из строп лямки превращенную им в рюкзак парашютную сумку.

— Вам не кажется лейтенант, что парню необходимо помочь? — нарушил тишину Трипп, не отрываясь от своего бинокля.

— Терпение, док. Терпение...

Соскучившийся по жевательной резинке Бессел был благодарен Дэвису Карту за то, что тот доставил ему из Найт-Филда заветные полоски, и теперь, сняв обертку с одной из них, с наслаждением ощутил любимый им вкус мяты, хорошо освежающей десны и ум. Он мог расслабиться: дело осталось за малым.

— А это забавно, — сказал сам себе Бессел. — Забавно. Мы чуть было не опоздали.

Наступил момент истины. С одной стороны от найденного штурмана приходил в себя ветхий советский гидроплан (что касается его экипажа, у Васи Чиваркина пропал голос, от волнения он мог только что-то едва слышно сипеть, а Богдановна орать и не собиралась). С другой — готов был принять на борт живого и относительно невидимого Алёшку Демьянова вальжанный двухмоторный «грумман».

Не отрываясь от окуляров, Бессел смотрел теперь на сумку. Он смотрел только на парашютную сумку, которая вот-вот должна была оказаться в его руках. Вне всякого сомнения, он, Бессел Смит, сотрудник ФБР, субъект с безусловно большим служебным будущим, заслужил этот почетный приз.

— Посмотрите-ка, босс, — присвистнул первый пилот.

Смит очнулся от зачарованности.

Он давно научился держать удар: вот почему не выругался. Он продолжал машинально жевать резинку.

— Кажется, моя помощь не понадобится, — обрадовался ни о чем не догадывающийся доктор.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Бессел Смит. — Ничего не понимаю...

— Что тут понимать? Неудивительно, что парень отправился к своим, — откликнулся Трипп. — Летим домой, лейтенант. Мы и так достаточно намучились. Слава Богу, все кончено. Они его забирают.

Все действительно было кончено. Лейтенант Бессел Смит видел, как медленно, теперь уже по пояс в воде, добрал до Ш-2 человек, из-за которого завертелась вся эта история, как он взобрался на борт советской летающей лодки, как передал кому-то сумку, как втиснулся в кабину и больше в ней не показывался — видно, слег. Бессел видел, как мелко затряслась перед разбегом окутавшаяся дымом русская «этажерка». Он видел, как, покачиваясь, словно пьяная, прочертила она за собой воду, оставляя на разбеге две глубокие борозды и, помахав крыльями, прилаживаясь к ветру, даже не полетела, а словно побрела по воздуху, стрекоча своим дурацким моторчиком.

— Доберутся или нет? — озвучил пилот Дэвис Корт вопрос, который одновременно задали себе все собравшиеся на борту «груммана».

— Доберутся, — ответил второй пилот. — Они даже на табуретках летают.

Доктор настроился на философский лад:

— Этот парень здорово сдал. У него вполне может начаться гангрена. И тем не менее предпочел лететь со своими, Бессел!

— Русские через одного зомбированы, — откликнулся второй пилот.

— Я видел их там, в Анкоридже, — вновь принялся Трипп за воспоминания. — Серьезные ребята. Черт возьми, вдруг они возьмут и построят свой коммунизм? — забеспокоился он.

Завербованный два года назад учтивыми джентльменами из контрразведки бывший юрист Бессел Смит поистине являлся для ФБР настоящей находкой — он был сделан из железа. У лейтенанта хватило выдержки процедить, пусть и с усилием, пусть и сквозь зубы:

— Не беспокойтесь, док. Коммунизм им не грозит.

— Вы думаете, Советам не создать такой техники, которая есть у нас? — лез ничего не понимающий Трипп.

В выдержке Бессел превзошел сам себя.

— Коммунизм не будет построен не благодаря неспособности создать такую же технику, — четко, словно диктуя, ответил он, провожая взглядом медленно удаляющуюся «Марь Ивановну». — Коммунизм не будет построен благодаря человеческой природе, док. А мы знаем человеческую природу. Мы хорошо ее знаем...

У него хватило сил улыбнуться Триппу и закончить:

— Вот почему мы всегда будем выигрывать гонки.

XXV

Уже в родном, сером, уютном якутском госпитале Алёшка Демьянов подробно рассказал, как все было на самом деле: поначалу командиру полка и полковому комиссару, затем командиру дивизии, затем ввалившимся в палату людям из соответствующих органов, лица которых явно не дышали доброжелательностью (впрочем, в конце концов штурману поверили и специально присланные из самой Москвы сверхнедоверчивые спецы), а затем и напарнику, который после врачебного осмотра расположился на противоположной койке и так же неспешно приходил в себя.

Вот что поведал Алёшка лежащему напротив Чиваркину о кувырке.

Когда гроза приблизилась и «бостон» ощутимо начало покачивать, он все-таки обстановкой обеспокоился — настроением настроением, однако профессионализм взял свое. Так как они с командиром не разговаривали, то Демьянов не стал афишировать намерение и в плохих условиях видимости решил, на всякий случай, визуально привязаться к местности — для чего и потребовалось открыть колпак. Но перед тем, как привязаться, совершил Алёшка совершенно дурацкий поступок: не удержавшись от желания вновь полюбоваться красовавшимися у него на ногах ботинками, расшнуровал и снял левый, чтобы еще раз осмотреть и ощупать подошву. Осмотрел, ощупал и, не удосужившись ботинок надеть, приступил к осмотру. И надо же было такому случиться, что наткнувшийся в то самое время на грозовую тучу Чиваркин заложил вираж, в результате чего опытный штурман, старший лейтенант 1-й перегоночной авиадивизии Алексей Демьянов вылетел из открытой кабины посреди нелюдимой Аляски, не успев «мама» пикнуть. Да так здорово при этом ударился босой ногой о хвостовое оперение «бостона», что на миг потерял сознание.

За кольцо он все-таки успел дернуть, несмотря на шок и головокружение. Встреча с негостеприимной землей для ошалевшего штурмана произошла относительно благополучно. Босой на левую ногу Демьянов приземлился на северном склоне пика «пятнадцать-шестнадцать», имея при себе планшет с картой, перочинный нож, плитку горького американского шоколада и личный ТТ с запасной обоймой. В воздухе он потерял зажигалку.

Поначалу штурман решил дожидаться помощи на месте, для чего раскроил ножом купол. Одну часть парашюта расстелил на поляне, придавив шелк камнями. Другую использовал в качестве палатки, постаравшись закрепить ее веревками-стропами. Мотор «Марь Ивановны» он услышал, когда уже готовился к ночлегу; набежавшие облака не дали никаких шансов обозначить себя, и все-таки, несмотря на полную безнадегу, неудачник орал, пока не потерял голос. Первая ночь прошла исключительно тревожно — появились медведи, от которых пришлось спасаться предупредительными выстрелами. Гнус донимал так, что в конце концов штурман завернулся в шелк, словно в кокон. Под утро дала о себе знать еще одна напасть: стало холодно, у него зуб на зуб не попадал. Когда рассвело, Алёшка принялся бродить по окрестности, чтобы согреться, и наткнулся на странное сооружение — сосновый короб, по бокам которого на палки были воткнуты медвежьи черепа. Вообразив, что перед ним некое хранилище, штурман отодвинул крышку короба и полез вовнутрь, надеясь на крупу, спички и прочие нужные вещи, но обнаружил медвежьи шкуры, в одну из которых тут же и завернулся, чтобы согреться. Ходил он в этой шкуре вокруг странного сооружения, ходил — и вот здесь-то чуть не погиб! Шаги зади были бесшумны, Алёшка их не услышал. Появившийся за его спиной абориген-охотник каким-то неведомым чудом промахнулся: возможно, был слишком взволнован. Тяжелая пуля чиркнула штурмана по левому боку, оставив поверхностную рану. Противник приготовился выстрелить еще раз, но Демьянову удалось выхватить свой «ТТ», и надо было такому случиться: его несостоявшийся убийца замертво повалился от первого же pistolетного выстрела.

Демьянов заметил и другого «туземца»: тот в ужасе бежал вниз по склону и скрылся. Придя в себя, штурман подобрал карабин убитого и забрал патроны (позднее оружие ему как нельзя более пригодилось). Остаться на месте приземления он уже не мог: его охватил настоящий страх. «Никогда подобного ранее не испытывал, — признался Демьянов, — такое чувство, словно кто-то вокруг постоянно бродит. Я к палатке — и этот кто-то за мной; шаги чувю — оглядываюсь: пустота. Жуть полная. Да еще и мертвец. Нервы мои не выдержали: думаю, сваливать надо, уходить как можно быстрее...»

Имея с собой карту, Алёшка решил самостоятельно выбраться к первому же селению. Вася оказался прав — его непутевый друг отправился именно по самому тяжелому, но короткому маршруту через хребет на южный склон к реке Хашибе, намереваясь идти вдоль ее берега до близкого Хэви-Литтл. Одна его нога осталась в прекрасном американском ботинке, а вот для другой, ушибленной, из бересты Алёшка соорудил подобие лаптя, благоразумно захватив с собой и «запчасти», для чего и ободрал кору с нескольких деревьев. Сделав из парашютной сумки и строп заплечный мешок, он покинул страшное место.

По дороге наверх начались дожди. И хоть захваченный с собой кусок шелка хорошо выполнял роль палатки, от сырости это не спасло. Комбинезон и вещи промокли. Голод принялся мучить еще до того, как он вскарабкался на вершину. Была возможность застрелить показавшегося поблизости оленя, но развести огонь Демьянов не мог из-за потерянной зажигалки. Ко всему прочему разболелся бок — рана воспалилась. Поднявшаяся температура заставила штурмана целые сутки проваляться в палатке на пронизывающем ветру. В конце концов он решил на спуск. Охотничий карабин был тяжел, однако Демьянов решил его не выбрасывать — и правильно сделал: уже у самой подошвы хребта Алёшка подвергся нападению гризли, которого уложил с короткого расстояния. До реки оставалось всего несколько километров, однако Демьянова вновь свалил жар: пришлось вновь отлеживаться, слизывая росу с камней. Когда появилось солнце, штурман снял со своих часов стекло и при его помощи все же запалил костерок. Затем добрался до медвежьей туши и ножом вырезал из нее порядочный кусок мяса. Последняя часть маршрута оказалась особенно мучительной: бок совсем загноился. Кроме того, штурмана мучил понос: полупрожаренная медвежатина кишела паразитами. Карабин пришлось бросить. Легкий как пар, он все же добрался до берега и там, облепленный мошками, валялся уже без всякой надежды, время от времени подползая к реке: утолить жажду. Погружая лицо в воду, Алёшка видел на дне вымытую из песка течением желтовато светящуюся россыпь. Самородков Демьянов насчитал более двух десятков (некоторые крупные), но щедро рассыпанное природой золото было ему совершенно не нужно — штурман о другом думал: сколько дней, а то и часов еще оставалось жить — как говорится, не до жиру. Да и что, в случае своего спасения, он мог бы поделаться с найденным богатством — разве что передал бы государству «на оборону страны», и оно тотчас утекло бы обратно в Америку. Впрочем, спастись летчик уже не надеялся.

Кстати, о контейнере, который впоследствии забрали с собой наведавшиеся в госпиталь московские гости: сразу после своего приземления Алёшка обнаружил в парашютной сумке приметанный тонкой проволокой к ее стенке странный, завернутый в холстину плоский предмет. Озабоченный более важными проблемами, Демьянов хоть и удивился, но не стал любопытствовать и распарывать холст. Когда на берегу Хашибы ему сделалось совсем нехорошо, он оборвал ножом проволоку и, вытащив контейнер, использовал плотно натянутую на него ткань как бумагу для прощального письма. Послужив найденный в планшете химический карандаш, Алёшка вывел на контейнере следующее:

Старший лейтенант Алексей Спиридонович Демьянов, штурман 1-й авиаперегоночной дивизии. Выпал из кабины «бостона» по маршруту Фэрнбакс-Ном такого-то числа в такое-то время. Передайте моей матери, что я погиб в Америке, в Аляске, но все равно старался приблизить нашу Победу над фашизмом.

Подумал и приписал:

Падение было случайным.

На большее штурмана не хватило.

Остается добавить: какая-то неведомая сила заставила его в тот день при помощи стекла запалить еще один костерок, который и был замечен с престарелой «Марьи Ивановны». Что же касается выбора между «грумманом» и Ш-2, разумеется, Алёшка побрел к своему гидроплану. Он был страшно благодарен женщине, сидящей за штурвалом амфибии и протянувшей ему бидончик. Однако первые слова, с которыми, жадно выпив юшку, обратился к полуживому Чиваркину едва шевелящий губами полуживой Демьянов, старшего лейтенанта никак не красили: «Ты, Вася, случайно, не выкинул ботинок? Жаль терять — все-таки штатовский».

XXVI

Когда они уже немного отошли от переживаний, оправились от ран и взяли за привычку подолгу курить на садовой скамеечке госпитального двора, Алёшка однажды не выдержал и спросил друга:

— Вась, а чтобы ты сделал, если бы я тогда направился к американцам?

— Застрелил бы тебя, — просто ответил Чиваркин.

Он не шутил.

XXVII

Что касается славной Богдановны, то о ней не забыли. Мишин лично представил женщину к ордену, однако начальство посчитало — с ершистой бабы довольно медали, о чем и проинформировало комполка. Несмотря на его протесты и ругань, наградной лист ушел по инстанции с просьбой «за проявленные сообразительность и мужество представить сержанта 1-го полка 1-й авиаперегоночной дивизии Ваганову Людмилу Богдановну к медали "За боевые заслуги"...» (подвиг техника кратко описывался).

Награждение не вызвало у сержанта особого воодушевления, хотя подполковник от души постарался: на номской бетонке, с которой начались злключения капитана Чиваркина, был выстроен весь находящийся в наличии технический состав перегоночного аэродрома. По убедительной просьбе Мишина справился со своим раздражением зам по политической части, которому Богдановна как-то довольно резко, в привычной своей манере, умудрилась ответить. Однако, несмотря на жертву со стороны «комиссара» и на все старания фронтовика, особой торжественности не получилось. Вызвав Люду из строя и прочитав ей реляцию, Мишин вознамерился было прицепить медаль, но в последний момент, когда рука его уже протянулась к груди техника, вспомнил, что перед ним дама, смутился, растерялся, даже покраснел и не нашел ничего лучшего, как просто схватить «трактористку» за маленькую руку и вложить заслуженную награду ей в мозолистую ладонь. Впрочем, Богдановна была верна себе; ответ награжденной окончательно взбесил стоявшего рядом с Мишиным политрабработника:

— Мужа бы лучше моего вернули, товарищ подполковник

И, всхлипнув, амазонка побрела на свое место в строю.

XXVIII

В то же самое время несколько молчаливых мужчин из уже знакомого читателю, затерянного в лесах и горах поселка (все те же шляпы, клетчатые рубахи, заправленные в сапоги штаны) столкнули с отмели самый большой в Майтконе баркас, забрались в него и отправились вверх по течению. Вместе с ними, водрузив на голову такую же широкополую шляпу, поплыл и поп: рясу святой отец спрятал до поры до времени

в кормовой банке. Мотор не подводил, погода наладилась, полицейский спокойно правил рулем, и над баркасом вились дымки неизменных трубок. Как только в той или иной заканчивалось топливо, ее владелец вытряхивал пепел в реку, прочищал чашу, набивал камеру новой порцией забористого табака и вновь привычно зажимал во рту загубник. Казалось, думы охотников, как и дым, плывут над водами Тэш. Старец-священник курил наряду со всеми, временами что-то бормоча и осеняя себя крестным знамением. Все знали, что делать, и роль каждого была определена: главной целью собравшихся был склон возле пика пятнадцать-шестнадцать, на котором покоились останки их земляка (лежащий на дне лодки мешок предназначался именно для него, там же, на дне, были сложены и желтые от смолы сосновые доски, и заранее сбитая крышка, и четыре столба). Но прежде зоркий Фрэнк приказал причалить возле сиротливо прижатого к камышам небольшого плотика.

От безымянного тела мало что осталось, однако местным жителям было не привыкать к подобной работе. Горьковатый дым их трубок отгонял смрад; лопаты, вырывая узкую глубокую яму, работали споро, сколотить большой крест не составляло труда. После того, как заостренный конец памятника обожгли на разведенном костре, крест был водружен над могилой и земля под ним тщательно утоптана. Обитатели Майткона нанесли с берега камней, укрепив ими знак Христа со всех сторон и насыпав их целую горку. Шлемофон положили поверх, придавив летный символ небольшим булыжником: так еще один погибший на алсибской трассе упокоился в центре Аляски под огромным православным символом.

Затем облачившийся в рясу старый алеут раздул кадило. Сладковатый ладан окончательно очистил воздух. Мыслей о том, что безвестный покойник вполне мог быть закоренелым атеистом, ни у кого из собравшихся даже и не возникало, и логика здесь была проста — раз летчик из России, значит, он русский, а если русский, то, несомненно, крещен. Деловитый, сосредоточенный, с полным осознанием того, что совершает одно из самых главных дел на земле, поп провел панихиду. Собравшиеся помогли ему, сипло и простуженно подхватив «вечную память». Полное отсутствие ветра помогло ровно гореть пламени одинокой свечи: в тишине слышалось ее сухое потрескивание. Впрочем, опытный Данилов неукоснительно соблюдал и воинский ритуал. Следуя этой традиции, охотники выстроились в ряд, вскинули карабины и по знаку Фрэнка одновременно привели в движение спусковые крючки. Залпы распугали птиц: утки, взвившиеся из камышей, оторопело заметались над головами; подкравшееся было к водопою оленьё стадо пугливо бросилось в лес следом за наиболее быстрым и чутким карибу; медведи, за несколько миль отсюда караулящие на отмелях рыбу, настороженно прислушались к выстрелам.

Один из участников церемонии обратил внимание полицейского на росу, блестящую по всей траве даже после выхода солнца:

— Осень будет недолгой, Фрэнк. Похоже, перевалы завалит уже в начале октября.

— Нам не привыкать, — отвечал коп, закидывая за спину помповое ружье.

— Так или иначе, придется запастись дополнительным топливом. Сам знаешь: аэросани поглощают бензин как бешеные. А где прикажешь взять денег? Твое ведомство не слишком-то раскошеляется.

— Есть лыжи, — пожал плечами Данилов.

— В глубоком снегу провалятся даже самые широкие лыжи, — вздохнул собеседник Фрэнка, — а сани пройдут. Сани везде проходят.

— Хорошо. В сентябре поеду в район, подниму вопрос.

— Ты уж подними его, Фрэнк. Ты уж его подними.

Утихнувших было птиц вновь разметал по небу стук молотков: вернувшись от баркаса с досками, недалеко от креста алеуты собирали кирусу. На все том же костре обожгли основания четырех столбов. Дом сколотили надежно и быстро. В дело вступил еще один участник похода: впрочем, его общение с духами не заняло много времени. Приставленная к домику лесенка помогла забравшемуся на нее шаману

уложить в короб приготовленную медвежью шкуру. Затем подали крышку, которую этот прилежный прихожанин мейтконового храма, являющийся по совместительству еще и язычником, в один прием установил на домике. Со стен кирусу продолжала стекать смола; свежие доски выдавливали из всех своих пор обильные слезы — несколько упавших капель склеили траву у ног полицейского и, подобно желтой росе, блестели на ней.

— Хороший знак, — сказал священник.

— Хороший знак, — откликнулся Фрэнк.

— Хороший знак, — заговорили остальные.

— Хэй хо! — воскликнул шаман, прыгивая с лесенки и завершая обряд. — Хэй хо!

XXIX

За тысячи миль от Якутска и за двести от притока Юкона — Тэш, все в том же теплом, комфортном, ярко освещенном электричеством помещении ФБР на базе Лэдд-Филд два джентльмена неторопливо обсуждали случившееся.

— Я предполагал, что русские будут его искать, но не думал, что они нас опередят, — сказал Неторопливый Бесси Хиггину. — Это мой первый просчет, но он не такой уж и важный...

Майор внимательно слушал.

— Главное заключается в том, что я здорово переоценил парня, — продолжил Бессел после того, как с гулом пронеслась над крышей здания пара набирающих высоту «жучков». — Я был уверен: в штурмане сидит обыкновенный здравый смысл. Мне в голову не могло придти, что вместо того, чтобы спуститься, он полезет на скалы...

Хиггинс подошел к большому тяжелому сейфу, гремя ключами, открыл дверцу и вытащил бутылку Evan Williams. За льдом дело не стало: кабинет далеко не последнего начальника в американской контрразведке был снабжен вместительным холодильником.

— А как ты понял, что труп, там, на реке, не является телом человека, которого мы ищем? — поинтересовался хозяин виски, протягивая Смиту основательную порцию спиртного.

Подчиненный майора прислушивался к очередному нарастающему гулу. Смит подождал, когда пролетят «бостоны».

— Карта, — ответил. — Она уж точно не принадлежала штурману.

— Почему?

— Все очевидно, Стэнли. На ней обведены красным карандашом несколько районов предполагаемого падения. Затем — синим — выделен один: тот самый. От озера Кэрбиш к месту, где мы заметили купол, идет карандашный пунктир; стрелка на нем показывает направление. Это была карта поисковой группы. Они как раз там до меня побывали и убрали растянутый штурманом ориентир. Я отыскал на том месте пуговицу со звездочкой. Маленькую такую пуговичку. На левом нагрудном кармане гимнастерки найденного мной русского пуговица отсутствовала, следовательно...

Бессел отпил бурбона и продолжил:

— Нет. Он определенно не был пилотом. Насколько мне известно, советские летчики носят пуговицы с «крыльями». Кстати, эти пуговицы поставляем Советам именно мы... К тому же на летчиках, как правило, комбинезоны... Но это все мелочи. Теперь — основное. На карте, на южной стороне хребта все тем же красным карандашом выведен большой знак вопроса. Большой знак, Стэнли. На карту надавливали. Скорее всего, и грифель сломали. Это и навело меня на мысль, что штурман просто сумасшедший. Даже свои сомневались в том, что он полезет на скалы... А он полез! Парень не в ладах со здравым смыслом, зато был готов на риск: вот эта непредсказуемость и сбила с толку. Но она тоже объяснима...

— Ты все на свете можешь объяснить, Бессел, — усмехнулся майор. — Давай-ка, вернемся к тому парню на берегу Тэш.

— Найденный мной русский не был убит, — сказал Бессел. — Возможно, сердечный приступ. Возможно, инсульт. На плоту остались следы рвоты. Ничего удивительного: сделалось плохо, причалил, вылез. Пальцы и ногти на сохранившейся руке — синего цвета. Какая угодно причина, но только не убийство.

— А отрезанная голова?

— Ее не отрезали. Ее откусили. Вернее, отгрызли. В тех местах прорва медведей: возле тела я заметил их следы. А вот алеут возле капища, на которого наткнулся Ридли, был как раз застрелен. Пистолетная пуля пробила его насквозь и лежала рядом с телом. Стреляли с близкого расстояния. Не знаю, что произошло между тем аборигеном и штурманом. Что касается оторванных головы и рук, об этом опять-таки надо расспросить гризли: тамошним медведям палец в рот не кладут. Обыкновенное явление. Я даже запретил хоронить убитого.

— Хорошо, — кивнул майор. — Допустим. А как ты объяснишь исчезновение Ридли? Этим делом занималось тридцать человек, Бессел. Тридцать человек: не последних, надо сказать, в сыском деле спецов. Они перепахали несколько миль в округе. И ничего. Никаких следов. Билл Ридли растворился. Что ты на это скажешь?

Смит посмотрел в окно на хорошо видную, уходящую к горизонту взлетную полосу, на ровные ряды готовых к отправке новеньких самолетов, на техников, муравьями облепивших бомбардировщики. Какое-то время Бессел Смит наблюдал за всей этой привычной аэродромной суетой: жизнь в небе, как и жизнь разведки, продолжалась.

— Тысяча восемьсот девяносто девятый год, Стэнли, — ответил лейтенант с вспыхнувшим, несвойственным ему волнением. — «Парадокс пятидесяти четырех».

Хиггинс насторожился.

— История времен «золотой лихорадки», — говорил Смит скорее себе, чем собеседнику. — Странно, а я ведь о ней позабыл. Начисто вылетела из головы. Пятьдесят четыре спасателя на ручье Кербик, притоке Тэш. Совсем недалеко от Майткона! «Парадокс пятидесяти четырех». Их никто никогда так и не нашел. Остался пустой лагерь. Совершенно пустой: палатки, навесы, даже еда в котлах. Ну, конечно же! Одна из черных дыр криминалистики, достаточно полистать архивы. Газеты много писали об этом деле...

— Меня интересует второй пилот, — напомнил Хиггинс.

— Второй пилот, — пробормотал Бессел Смит.

Он думал.

Затем повернулся к майору и сказал:

— Бансу.

Майор поднял брови:

— Прости, что?

— Бансу.

Хиггинс его не понял.

КОНЕЦ

Р.С. Случай этот произошел на самом деле, хотя понятно, что имена действующих лиц, а также основа сюжета, названия рек, озер и поселков и многие детали происшествия изменены.